

Александр Плетнев

ОСКОЛКИ НЕДОБРОГО ВЕКА

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Александр Владимирович Плетнёв
Осколки недоброго века
Серия «Адмиралы Арктики», книга 5
Серия «Военная фантастика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68989564

А. В. Плетнев. Осколки недоброго века: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2023

ISBN 978-5-17-153303-8

Аннотация

Перелом в русской войне неизбежен? Так видится! Иначе зачем бы всё это было – затевать переход через Арктику, преодолевая и претерпевая?! Люди, тот же адмирал Рожественский или император Николай пытаются идти наперекор... потому что обязаны «сломать через коленку» Её Упрямое Величество Историю.

Впереди бои эскадр, блестяще реализованные морские операции... и политические интриги – решения по завершению «русско-японской» и будущие расклады очередного межвоенного порядка.

Содержание

Айнс, цвайн, драй![1]	5
Фир, фюнф, зекс![7]	19
«Лена». Вспомогательный крейсер	26
Тактический постфактум	42
С видом на Темзу	51
Где косые лучи светила не греют	63
Там, где ветры с Балтики	85
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Александр Плетнев

Осколки недоброго века

© Александр Плетнев, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*** * ***

Айнс, цвайн, драй!¹

Человек в красивом белом мундире отошёл к столу-бюро у окна, как обычно держа левую руку за спиной, слегка двинул стул, будто намереваясь присесть. Передумал, принял степенную позу, жестом разрешив: «продолжайте».

В этот раз на Вильгельме II был надет длиннополый сюртук Фридриха Великого, а стоящий напротив посетитель мог видеть сразу две фигуры в этом старинном прусском одеянии – самого кайзера и краем глаза его же отражение в большом напольном зеркале².

Убранство приёмной залы носило на себе отпечаток долгой истории и того строгого немецкого порядка, который, в конце концов, стал нарицательным. А прочие финтифлюшки лишь подчёркивали это, намекая, что и сухому германскому педантизму не чуждо чувство прекрасного. Пусть порой и весьма лаконичное.

Свет, умеренно вливаясь сквозь высокие зауженные проёмы окон, позволял хозяину кабинета быть на виду во всём великолепии... и в то же время привычными тенями удачно прятал то, что не следовало выставлять напоказ³.

¹ Eins, zwei, drei (нем.) – раз, два, три.

² Вильгельм любил подобные исторические маскарады с мундирами великих предков.

³ От рождения у будущего кайзера была повреждена левая рука, что так и оста-

Начальник службы имперской разведки подавил першение в горле, перейдя к следующему пункту доклада:

– Само предприятие с переходом северными ледяными широтами на Тихий океан просчитывалось анализом и прогнозами как весьма сомнительное... – хотел добавить, мол, «чёрт знает, на что способны эти русские», но, естественно, не посмел, чеканя сухим военным языком: – Непосредственное наблюдение по месту было возложено на агентов из членов экипажа парохода «Роланд».

И не только.

В последний момент удалось заключить контракт, разместив на одном из вспомогательных судов северного отряда Небогатова – Рождественского станцию беспроводной связи фирмы «Телефункен».

Аппаратура сложна в управлении, поэтому по договору, дабы подготовить русский персонал, на судно были прикомандированы технические специалисты компании, куда мы включили нашего офицера из третьего бюро разведки.

Саботируя адекватное обучение русских телеграфистов, мы рассчитывали, что это вынудит оставить сотрудников «Телефункен» при станции, и наш офицер сможет проследить весь северный маршрут. Если таковой будет удачным... Однако, несмотря ни на что, наших людей ссадили в Александровске, что на Коле, и эта ниточка оборвалась.

Что касается «Роланда» – пароход вынужден был уйти с
лась увечной. Это пожизненное уродство им тщательно скрывалось.

угольщиками компании НАРАГ.

Вильгельм на миг выключился, погрузившись в воспоминания.

Изначально он лишь с недоумением смотрел на всю эту северную эпопею, затеянную кузеном Ники.

Война для русских началась неудачно, и кайзер двояко относился к такому развитию событий. С одной стороны, военные неприятности ослабят потенциально опасного соседа, что уже неплохо, с другой – проигрыш в войне приведёт к утере позиций России на Дальнем Востоке и возвращению к западным и южным направлениям, что было совершенно не в интересах Германии.

Когда поднялась шумиха с застрявшими во льдах кораблями, он как мог подбодрил Ники. И даже посочувствовал по-человечески... и по-родственному, отослав телеграммы поддержки.

Хотя, если быть честным, эта возня с северным походом, странные слухи и не менее странное и пристальное любопытство англичан немного настораживали! В связи с чем были и доверительные письма в Санкт-Петербург с целью прозондировать почву, надеясь, что Николай II в личной переписке даст более пространственные и откровенные ответы: что же там вообще у него происходит со всей этой рискованной причудой северного перехода.

Ники отписался! Так же по-родственному, почти просто-

душно, но с явно византийской изворотливостью.

Левый, закрученный кверху ус кайзера перекосило вместе со слегка презрительной улыбкой – он никогда не считал Николая слишком умным, как и особо искущённым в политических интригах. «Управляя варварской страной, он слишком ослабился...»

А сравнивая, например, с Эдуардом VII – по-родственному и в плане противостояния держав, он не полагал русского царя и достойным противником, находя силу России лишь в многочисленности её армии. Впрочем, по выучке далёкой от идеала.

«Если будет надо, я переступлю и через одного, и через другого!»

За мыслями император не заметил, что снова стоит перед зеркалом, держа осанку и, что уж там... любясь своей выправкой.

* * *

Затронув в повествовании германского императора Вильгельма II, стоит сказать, что этот человек во всём олицетворял собой исключительно германский, прусский... истинный дух милитаризма.

Возможно, в такой постановке – «истинно прусский милитаризм» – просматривается нечто субъективное, предвзятое, и те же самурайско-японские, или наполеоно-французские,

или карло-шведские вояки не менее грозны и воинственны.

А может, всё дело в фонетике или же самой топологии немецкого языка – обертонов, взросших из времён диких гуннов, взывающих соплеменников к отваге, лающими выкриками устрашающих врага. Впитавших в себя и мифы Нибелунгов, и наследие легионов Римской империи.

И потому военные речи, что Фридриха Великого, что Бранденбургского, что очередного будущего фюрера под лязг затворов марширующих войск, столь идентично характерны и неотвратимо brutальны.

Но вернёмся к последнему кайзеру Германии.

Имея врождённый физический дефект и подвергшись в детстве поистине мучительным попыткам излечения, Вильгельм II сумел воспитать в себе исключительно железную волю⁴.

Формирование характера и психики в столь непростых условиях, естественно, потянуло за собой ряд качеств и комплексов, совместив в будущем монархе всю ту же природную немецкую воинственность, манию величия и депрессивность.

Взятый курс на великодержавность (уже в статусе кайзера) не мог не привести Вильгельма к военным столкновениям с соседними странами. Что с точки зрения правящей гер-

⁴ Да. Бедного мальчика буквально мучили электросудорожной терапией, руку растягивали и спрямляли с помощью специальной «рукораспрямительной машины». К этому стоит ещё добавить лечение специальными корсетами от врождённой кривошеи. Посочувствуйешь.

манской верхушки выглядело оправданным, учитывая прямые интересы империи, с оглядкой на извечных противников и вероятных союзников, следуя течениями геополитики.

К этому можно добавить (со слов британских историков «о себе любимых»), что Вильгельм II испытывал ненависть ко всему английскому. Впрочем, однажды он скажет, что «немцы ненавидят в равной степени и русских, и англичан, и французов, и японцев».

Однако продолжим.

* * *

Поймав отражённый в зеркале подобострастный взгляд, император вернул своё внимание к докладу:

– На службе у русского царя во флоте много офицеров, имеющих немецкие корни. Неужели среди них не нашлось истинного патриота Германии, и вы ни с кем не смогли наладить продуктивную работу?

– Щепетильность в вопросах чести...

– Вы находите это дурным? – Вильгельм или изобразил удивление, или противоречил сам себе.

– Отнюдь... но в работе порой мешает, – офицер весь подобрался – император иногда любил загнать собеседника на игре слов и смыслов, – ваше величество, для того, чтобы получить какую-либо информацию, не обязательно подвергать благородство испытаниям. Существуют способы непрямого

воздействия. Через алкоголь, женщин, да и просто... порой по наивности и вере – многие из российских офицеров и чиновников из остзейских немцев не считают Германию врагом и охотно делятся различными данными...

– Однако... – хозяин кабинета чутко уловил паузу.

– У нас заблаговременно и хорошо подготовленная почва для работы в России.

Вильгельм надменно кивнул, зная, о чём речь.

Давние и тесные контакты Германии и России тому всемерно способствовали.

Русские цари охотно брали на службу германских военных и высокообразованных специалистов. Многие остались на новой родине, обрусев. Но с недавних пор этот процесс, можно сказать, принял организованный характер.

То самое *Drang nach Osten* – движение на восток, выразилось в долгосрочном плане, разработанном германским генеральным штабом.

Эмиграция немцев и расселение проводились главным образом в западных губерниях, постепенно охватывая и другие области России.

Все намечавшиеся к переселению проходили проверку на благонадёжность в духе германизма, и лишь потом офицеры 3-го бюро (отдел разведки, курировавший Россию) давали разрешение на выезд. Колонистам при этом оказывалась материальная поддержка.

Всячески поощрялось развитие мелкой торговли – куп-

цы-шпионы, сборщики информации, не вызывая подозрений под видом коммерческих дел могли свободно перемещаться по стране, организовывая торговлю в ключевых местах: узлы железных дорог, оборонные объекты, заводы, организации, обслуживающие военные ведомства.

Российское правительство с охотой принимало инвестиции, поощряя развитие немецких мануфактур на своей земле, которые за счёт своей высокой технологичности зачастую вливались или имели влияние на производство и поставки военных материалов.

И каждое германское предприятие, согласно установкам Берлина, должно было принять на работу определённый штат агентов разведки.

В связи со всё большим освоением восточных окраин Российской империи уже со следующего года на деньги Дойче-Банка готовились экспедиции для исследования природных богатств Сибири. Дополнительной задачей им вменялось изучение экономического и хозяйственного потенциала России с точки зрения будущей войны⁵.

Эти меры были запланированы уже с непосредственной санкции Вильгельма. Здесь крутились уже его личные деньги.

«А теперь вот ещё и приполярье... и заполярье!» – Император повернулся к чутко застывшему офицеру:

– А как австро-венгерские службы... насколько проявля-

⁵ Всё – реальные факты.

ют активность разведки других стран?

– Эвиденцбюро... – строгий служака впервые позволил себе эмоцию и скривился, – русские всегда были на ножах с австрияками⁶. А британцам, при всех их наработках и потугах, наши возможности даже и не снились...

– Но... – император как-то умудрялся отслеживать каждую смену интонаций собеседника.

– Но если бы не настырный интерес англичан, мы не зацепились бы за это дело. Вот только во всём, что касается темы «северного перехода», наши люди натолкнулись на беспрецедентную закрытость. Пусть отчасти это и объясняется общей секретностью на войне. В данном же случае всё проходит по линии Авелан – Царское Село – император Николай, который практически не покидает пригород...

«Возможно, это связано с рождением наследника», – отвлёкшись, предположил кайзер.

– ...А всё перекрывают люди личного начальника охраны русского императора – вышколенный личный состав, прошедший особый отбор. Петербург полон слухов, но никакой конкретики, никакой новой информации практически не поступает. Только лишь то, что уже было известно ранее.

– Некое американское судно ледового класса, – почти неслышно проговорил Вильгельм и уже немного раздражённо добавил: – Это всё техника! Оставим её специалистам.

⁶ Evidenzbureau – служба информации (управление военной разведки) Австрийской империи.

Вернёмся к Рождественскому. Военные дела!

– Военные планы русских нами были частично отслежены в связи с заказом на доставку угля всё теми же пароходами НАРАГ. Условия директорату компании российским морским ведомством были обозначены довольно чётко и конкретно – даты, сроки ожидания и прибытия, ориентировочные места randevу. Надо сказать, что русские не скупились, поставив в требование наличие на пароходах-угольщиках беспроводного телеграфа, и более – были даны контактные шифры...

– Вот как?! – Вильгельм услышал для себя нечто новое. – Подход весьма основателен. И как же они обеспечат сохранение конфиденциальности?

– Суда должны находиться в Шанхае, ожидая телеграммы из Петербурга, где и будут указаны координаты точки встречи. Далее связь осуществляется непосредственно с адресантами кодами беспроводного телеграфа.

– Оперативно и... профессионально!

Выждав буквально секунды, оценив, что можно продолжать, начальник разведки перешёл к главному:

– Следующий этап прямого контакта с эскадрой Рождественского ожидался по её прибытию в Тихоокеанский регион... во Владивосток или же, минуя промежуточное randevу с угольщиками, в сам Порт-Артур. Однако сведения стали поступать много раньше... сразу оговорюсь – немного противоречивые. Первым сигналом послужило отбытие из Вла-

дивостока в Петропавловск-Камчатский вспомогательного крейсера «Лена», что, вне всякого сомнения, было связано со временем подхода арктической экспедиции. Пункт назначения «Лены», естественно, не оговаривался, но во Владивостоке у нас давно налаженная сеть...

Здесь можно было не пояснять, император прекрасно был осведомлён о возможностях германской разведки, и через какие каналы она осуществляет свою деятельность.

На первом месте стоял торговый дом «Кунст и Альбертс», захвативший в свои руки почти всю торговлю в восточном регионе России. Совладельцы компании – господа Кунст и Альбертс – вообще выполняли официальные консульские функции, представляя Германию на Дальнем Востоке.

Опять же, многие служащие торгового флота были офицерами запаса германской армии, найдя себе работу и должности в том числе и в Доброфлоте.

– ...к этому времени, – возвращается голос офицера, – во Владивосток уже прибыл столичный уполномоченный – адмирал Дубасов. Развернув весьма бурную деятельность, в том числе и с шпиономанией. Несмотря на это, наш человек на телеграфной станции сумел сопоставить получение шифротелеграммы из Петербурга и срочное отбытие «Лены».

– То есть вы хотите сказать, что приказ идти на встречу с северным отрядом поступил из столицы?

– Так точно!

– Такое впечатление, что Рождественский двигался по ис-

ключительно чёткому графику, будто пассажирский экспресс «Берлин – Будапешт»! – Император не скрывал своего удивления. – Так подгадать контрольные точки! Оперативная координация просто впечатляет! Далее...

– Далее же... вы знаете. Наместник Алексеев отправляется на крейсере «Рюрик» якобы с инспекцией по камчатскому приморью.

– Почему якобы? – раздался резкий вопрос кайзера.

– Полноценный боевой крейсер – на второстепенное направление, в захолустье? – последовало столь же короткое полувопросительное пояснение, принятое понимающим кивком.

– А вслед за этим, как вам известно, вышло официальное заявление российских властей о гибели крейсера в бою с двумя японскими кораблями...

На этой паузе лицо начальника разведки приобрело некую торжественность, будто обещая сюрприз:

– И вот только сейчас, сопоставив дату выхода «Рюрика» из Владивостока, время его следования к Камчатке... и поспешное официальное заявление российского морского министерства о потере крейсера, наши аналитики нашли некие нестыковки и разногласия, с учётом расстояний, временных интервалов, вкупе со скоростными характеристиками судов.

– Почему поспешное?

– Время! Очень натянуто время! Телеграфа в Петропавловске нет. Это точные данные. Как сведения столь быстро

могли дойти до Петербурга?

– Миноносцем во Владивосток...

– Нет миноносцев во Владивостоке! А если бы и случился хоть один, о его прибытии нам бы стало сразу известно! Наши люди в порту...

– Быстроходный курьер-авизо, отправленный, например, к ближайшей станции телеграфа в САСШ. Да та же «Лена», – снова перебив, император говорил с лёгкой усмешкой, будто ему нравилось играть в эти догадки. А вот глаза оставались холодными и крайне внимательными.

– Нет. «Лена» не могла побывать в Америке. Судя по сообщениям задержанных нейтралов и панике на рынке коммерческих перевозок, «Лена» сейчас рвёт торговые коммуникации на востоке японского архипелага. Хм. Приди этот вспомогательный крейсер во Владивосток, пожалуй, мы бы имели информацию от непосредственного свидетеля событий. – Тонкое лицо офицера на миг стало задумчивым. Но лишь на миг.

Он сделал специальную паузу, только для того, чтобы, наконец, высказать то, к чему вёл:

– Если присмотреться ещё к некоторым фактам... никак не даёт покоя это официальное и, подчеркну, поспешное заявление морского министерства России о «Рюрике» и японских крейсерах. Я бы... уж простите, ваше величество, выскажу самой изюминой домыслов – складывается такое впечатление, будто русские хотели, чтобы эти сведения поско-

рей дошли до острова.

– До острова?

– Да! До большого сырого туманного острова, что к западу через Ла-Манш. Есть данные, что к высоким широтам отправились британские военные корабли. В то время как японцы категорически отвергают гибель своих крейсеров.

– Погодите, что вы этим хотите сказать?!

Осторожным стуком и выверенной паузой в залу вошёл согбенный камердинер. Оценив быстрым и намётанным взглядом молчаливое ожидание, чопорно известил:

– Ваше величество, вы просили, как только явится морской министр, немедленно вас известить.

Фир, фюнф, зекс!⁷

Если начальник разведки подражал своей рыжеусостью кайзеру, закрутив кончики кверху, то статссекретарь военно-морского ведомства Германской империи контр-адмирал Альфред фон Тирпиц подражал сам себе! В том числе следуя неизменно консервативной адмиральской моде тех лет, нося характерную раздвоенную книзу бороду.

Приветствие он произнёс тихо, почти неразборчиво,глянув, сказать бы, подслеповато, но беспомощности в том ни на пфенниг, уж скорей тяжеловесно хлопая веками.

– Прежде чем уйдёте, я хотел, чтобы вы повторили свою версию гибели «Рюрика», – почти прошипел Вильгельм разведчику, не отрывая приветственного взгляда от нового гостя.

Вышколенный офицер, если и был удивлён от столь резкого прерывания аудиенции, вида не подал, сдержанно отбарабанил сухие факты, высказал предположения.

И уж совсем отстранившись, получив напутствия, откланялся.

Император некоторое время буравил взглядом министра, ждал, пока тот осмыслит и переварит услышанное.

Впрочем, недолго, спросив:

⁷ Vier, funf, sechs (нем.) – четыре, пять, шесть.

– После всего изложенного насколько вы оцениваете возможность конфликта России и Великобритании?

– Никак не оцениваю. Англичане не ввяжутся в войну, пока не создадут коалицию. А с кем? С Японией? Пф-ф! Кому они ещё могут предложить союз? Нам? Мы откажемся! У Франции с русскими договор, – Тирпиц покачал головой и на совершенном отрицании категорически довершил: – Нет!

– Но вы же слышали версию...

– Я не стану наивно полагаться на всякую чушь о пришельцах... хоть с Марса, хоть в уэллсовских селенитов. У англичан есть время развлекаться беллетристикой и деньги на сомнительные проекты – вперёд! Мы постоим за спиной и посмотрим со стороны!

«Это не значит, что мы будем идти в кильватере Британии», – стрельнуло в голове кайзера. Качнув головой на папку с отчётами, что оставил начальник службы разведки, он в сомнении высказал:

– А то, что русские в течение последнего месяца зарегистрировали десятки патентов на технические и всякие медицинские новшества? Мало?

– И от этого, ваше величество, мы станем верить всякой ерунде? Забыли, в какое время мы живём? Каждый день приносит новые удивления! Люди опускаются под воду, словно рыбы... уже на боевых субмаринах. Летают будто птицы на аэропланах! Скоро на Луну замахнутся, не к ночи будет помянут господин Уэллс. Согласен, некоторые,

скажем, проекты весьма неожиданны. Чего стоят заказанные на наших верфях океанские пароходы-рыбозаводы. Я лично ознакомился с документацией... редкостной продуманности проект. И совершенно мирного назначения, кстати.

– Мирного?! Здесь полный абсурд!

– Отчего же?

– Такая рыбная фабрика подразумевает массовость! Чёрт побери, это кормёжка! Для черни, – Вильгельм вспыхнул, начав вышагивать по кабинету. Додумав: «Для нижних чинов. Для своего парового катка! Армия!»

– Хм, – задумчиво протянул контр-адмирал, – под таким углом на это дело я не смотрел. Но по морским вопросам, пожалуй, замечу – в непосредственных боевых действиях русский флот, несомненно, получает бесценный опыт! Делать выводы ещё рано, требуется долгая аналитическая и техническая работа, но уже сейчас мои морские агенты докладывают, что некоторые кораблестроительные программы русские пересмотрели. Едва ли не отказавшись от уже принятых проектов.

– А это их увлечение северным направлением?

– Да. Сейчас они ведут переговоры с Краппом о возведении на Коле судоремонтного завода, а впоследствии судостроительной верфи. Уже заявлено об основании военно-морской базы. Налицо усиление России. И бремя содержания... уже четырёх флотов – черноморского, балтийского, тихоокеанского, а теперь и северного! Но первое, что я вижу

– независимый выход в океан. В Атлантику...

– Против Англии? А ведь неплохая конфигурация выходит, нависни русские над британскими островами с севера.

– Не столь однозначно, – министру приходилось водить головой вслед вышагивающему кайзеру, – это и обходной путь мимо нашей блокады, случись таковая.

– Хм! – Остановившись, император бросил заинтересованный взгляд. – В таком случае, насколько вы оцениваете конфликт России и Германии?

– Заключив союзный договор с Францией, русский царь уже поставил себя против нас.

– И, тем не менее, наши противоречия с Россией не являются неразрешимыми, – задумчиво проговорил Вильгельм, – не исключаю варианта договориться с Николаем. Я послал ему предложение на личную встречу.

Тирпиц пожал плечами, дескать – дело политики, только сделал ещё одно замечание:

– Не знаю, насколько стабилен Северный морской путь, с учётом времени навигации и вообще безопасности, но это однозначно более быстрый, дешёвый и опять же неподконтрольный выход на тихоокеанский театр! В том числе и для нас, заключи мы с русскими договор на проводку наших караванов и боевых судов. Я, ваше величество, рассмотрю арктический вопрос более тщательно и позже предоставлю вам свои соображения.

Беседа с министром флота продолжалась ещё около часа и уже больше касалась германской судостроительной программы.

Когда же тот ушёл, Вильгельм вернулся к не дававшим покоя восточным вопросам: «Тирпиц прав и не прав. Чем я могу поступиться, чтобы склонить Ники на сторону Германии?»

Кайзер вынужден был идти на поводу у немецких банкиров и промышленников, предпочитавших видеть Россию полуколониальным придатком, потребителем германских товаров, в обратную импортируя дешёвое сырьё и в первую очередь зерно. В этих условиях немцам развивать промышленность России было совершенно не выгодно. В то время как Франция, предоставляя кредиты, активно вкладывалась в производства на русской территории. Что только усилило влияние профранцузов в Петербурге.

Вильгельм не заметил, как снова начал метрономом вышагивать по кабинету, предаваясь размышлениям... просто отсортировывая приоритеты в свете новых фактов.

«В других бы обстоятельствах и необходимости в том бы не возникло. Чёрт побери! В других обстоятельствах и обстоятельств бы не случилось! А если Ники и вправду получил какие-то технические подарки, не важно, откуда и как?»

Не станут же бритты просто так разводиться суету.

На предложение о встрече русский царь откликнулся положительно. Но будь я проклят, что-то прохладное улавливалось в интонациях ответного письма. Что он себе возомнил?!

Взять ту же войну с Японией! Все против русских! И даже союзники французы лишь сохраняют мину при своей плутоватой игре⁸.

Я же, при честном нейтралитете, оказываю более чем моральную поддержку. Но если Ники такой неблагодарный, не стоит ли ему намекнуть? Проучить... показать, что я могу быть и не столь уж добрым родственником. Чтобы больше ценил мою благосклонность».

Вильгельм II отыграл мелочно.

Это случилось, когда в Циндао после «боя в Жёлтом море» вынужденно заглянули поврежденные корабли из состава 1-й Тихоокеанской эскадры – германские власти, ссылаясь на приказ из Берлина, поставили жёсткие условия пребывания в нейтральном порту.

С угольщиками, которым была отправлена «рекомендательная» телеграмма, вышла промашка. Там сыграла изворотливость коммерсантов, теряющих на военной поставке неплохой барыш.

Два судна с кардифом успели уйти из Шанхая к Квель-

⁸ Видимо, кайзер имел в виду то, что с точки зрения Парижа союзный франко-русский договор не касается дальневосточных дел России.

парту.

«Лена». Вспомогательный крейсер

Выпуская из своих объятий, Авачинская губа остывала кильватерным следом, одноимённый залив раскрылся встречающим простором Тихого океана, и острый «клюв» бушприта точно носом по ветру резал ветреную стылость над захмелевшими барашками.

Через тридцать бойких миль смена курса со ста восьмидесяти на генеральные двести пятнадцать градусов.

Болтает, пенит, брызжет, оседающая солёными сосульками на леерах.

Шестнадцать крейсерских узлов!

Оставаясь на военном корабле в непонятном статусе, он сравнимо с высокими чинами размещался в каюте первого класса и был вхож в салон, где ручательством Трусова оказался представлен офицерскому коллективу. Не так чтобы не принят за своего, но примирительно-с!

– Вы читали морской устав, Вадим Николаевич? – предвосхитил Трусов.

– Ага! Исключительно настольная книга! И спать с ним, и в туалет-с...

– Оставьте свой сарказм... и это своё «ага», кстати. Вот, извольте изучить на досуге.

Встретили его с любопытной натянутостью.

Помимо тайн происхождения «Ямала», о которых категорически приходилось молчать, весьма странные, если не подозрительные манеры, как и манеры речи (зачастую простоватые), поначалу вызывали снисходительный скепсис – вопросы так и вертелись на языках «рюриковских» лейтенантов, мичманов и парочки баронов в придачу: «Что за фрукт, из каких слоёв общества?»

Тут даже образованность и образование (в его случае высшее, вытянутое из двадцатого и начала последующего безумно компьютерного века) не служили бы авторитетом для дворянских счастливцев: «Подумаешь, какой-то инженеришко!»

Вот только чувствовали эти молодые и не очень обладатели кортиков – люди по сути мыслящие ещё в парадигме девятнадцатого столетия, что веет чем-то от этого «американца»! Чем? Запредельностью знаний, убеждённостью и спокойной уверенностью в говоримом (не дай боже превосходством!).

* * *

Сутки – двести морских миль!

Двести миль на перегоне от Камчатки до японского архипелага.

Узкий длинный корпус парового клипера будто само подхватывает и несёт попутным шестибалльным, перекатывая

продольной качкой.

Позвякивает рында. Позвякивает осторожная посуда на столе в салоне. Забрызганные иллюминаторы пропускают скудный свет, и уже за третью вахту за бортом серая, всё более темнеющая хмарь.

Запредельность в знаниях была, как бы это правильно сказать, поляризована. То есть ты знаешь о дредноутах, радарах, сонарах и прочем. Но сказать об этом можешь только лишь в качестве смелых футуристических прогнозов. Что вызывало всё те же споры и усмешки, и интерес.

Но авторитет достигался не фантазиями, а толковыми и обоснованными чертежами-схемами, объясняющими... ну, например, преимущество залповой веерной торпедной стрельбы. Или...

– И как же вы, милейший, с якорной стоянки береговой обороны дотянетесь до запредельно бьющих по вам новейшим орудиям Амстронга? Тогда как у вас устаревшие буховские в тридцать пять – сорок калибров, даже на максимальном угле кладущие недалече пятнадцати вёрст.

– Господа! Не забывайте, что у вас под ногами лафет весом за одиннадцать тысяч тонн, и вы можете им двигать не только навстречу врагу. Ежели приспичит нужда дальнего боя, затопив бортовые отсеки подбойного борта, тем самым накренив корабль, можно добавить лишние углы возвышения! Разве не осуществимо?!

На «Лене» два экипажа – «доброфлотцы» и команда с по-

гибшего «Рюрика».

Лайнер, рассчитанный более чем на две тысячи пассажиров, вмещал всех с вполне сопоставимым комфортом. На два экипажа вахтенная служба не обременительна, и господа офицеры в кают-компании в компании-уюте.

И вдруг удивляешься, что ворох побочных знаний, уроненный в голову случайным, почти спамовским интересом, никуда не делся и всплывал из памяти совсем неожиданно, «выстреливая» в нужном месте... А люди-человеки, оказывается, лучше всего сходятся на объединяющих, общечеловеческих темах – о простом житейском и... наболевшем:

– Не стоит, господа, недооценивать народную мудрость, что уходит корнями в века! В том числе и с точки зрения науки потребление именно капустного рассола с похмелья вполне физиологически обоснованно! Дистилляты французские – а лечение исконно русское! – объясняя далее доступным языком о функциях почек, печени, метаболизма жидкости в организме и необходимости её сохранения, совсем озадачив судового врача⁹.

Курильская гряда где-то по правому борту. Штурмана корпят над картами, без ориентиров линейками и столбцами выводя по счислению.

⁹ В процессе расщепления алкоголя организму требуется много воды, которая и вымывает из клеток минеральные вещества. А для восстановления баланса лучше всего подходит капустный рассол, содержащий янтарную кислоту.

Ещё сутки, сигнальщики уже внимательней – ждут на правом крамболе северные оконечности Хоккайдо.

И какие ж они «господа гусары», коль под дымок папирос, да откупорив припасённое из скудных запасов шампанское, не затронут всенепременный, чисто мужской предмет внимания.

– ...Влечение женскими прелестями уходит сутью в природу, на инстинктах размножения, когда округлость, простите, зада оценивается с точки зрения ширины тазовых костей – способностью без ущемлений родить, а пышная грудь – выкормить.

– Ну надо ж, – чьё-то исключительно ревнительное замечание, – а вот меня восхищает пышность женских волос! И звонкие девичьи голоса! Как ваша наука может объяснить сию притягательность?

– Здоровье! Красивые крепкие волосы – несомненный признак здоровья, что тоже имеет отношение к продолжению рода... сильного, дееспособного. А голосовые связки женщин, в том числе и отголоски защитной функции. Принимая версию происхождения от Адама и Евы... – и взгляд украдкой на судебного священника, что «нёс свою подозрительную вахту» против заморского безбожника, – после изгнания из рая человечеству пришлось пережить немало, скатившись в дикарство, оволосившись до состояния самец – самка. И она, самка, будучи более слабой, использовала свои

методы, как избежать в первобытных лесах насилия¹⁰. Кто знает, как иной раз может истерить женщина, поймёт!

* * *

Шторм обогнал, ушёл вперёд терзать, заливать нижние казематы броненосных крейсеров Того и Камимуры.

Уже миновав Курильскую гряду, всё далее к югу, успокоилось, посветлело.

Тогда и встретились первые жертвы.

Эти жалкие шхуны несчастных японских рыбаков не являлись чем-то значимым, если бы не помнить рассказы камчадалов о браконьерских инцидентах, доходящих до смертельных стычек. Не знать, чьими стараниями происходит снабжение японского лагеря на Шушу, кто там – в регулярных силах, кто и сейчас мог оказаться разведкой.

Да и военно-экономическая целесообразность не списывалась.

Дезертир на войну, Вадик Тютюгин, облокотившись на планширь, курил, смотрел, как два деревянными обводами паровых раритета медленно погружались в воду.

¹⁰ Сугубо субъективное мнение: женская голосовая истерия может оказаться не чем иным, как развитием крика младенца-ребёнка на дискомфорт, связанный ли с голодом, обкаканными пелёнками, или мало ли чем может быть недовольно маленькое малосознательное существо, не понимающее само, чего оно хочет.

Мимо на нижние палубы, конвоем с ленточками «Рюрик», поникшей гурьбой вели пропахших рыбой и ещё чем-то специфическим желтолицых пленников.

– Вы медикус по образованию? – вежливый и осторожный вопрос со спины.

Думал, судовой врач – тоже вышел подымить на воздухе, да на расправу поглядеть...

Ан нет – иеромонах.

– Ну что вы! Инженерное строительное и судовое электромеханическое. Но много уделял естествознанию. Да и супруга бывшая – врач.

– Бывшая?

– Не сжились, разошлись...

– Грешно то.

Следующая добыча (уже посерьёзней) попалась только на следующий день.

Английский пароход «Истри» с грузом угля.

Рождественский, проходя своим отрядом, скрытно и шумно, спеша и целенаправленно, почти предсказуемым, но стремительным маршрутом, наделал шуму-шороху.

Японские власти, как могли, оповестили телеграфом об опасности... И дали «отбой» по восточному побережью, когда поступило известие, что «адмирал Арктики» якобы уже в Китайском море – застоявшиеся в портах посудины побежали навёрстывать упущенные прибыли.

Наверное, именно этим объясняется такое обилие встреченной добычи на пути русского рейдера.

По крайней мере, с английским угольщиком было именно так – отстоявшийся пару суток в порту Йокогамы «Истри» продолжил свой путь к месту назначения в Хоккайдо, чтобы нарваться на «Лену».

– Куда его? – решали советом на капитанском мостике.

Трусов раздумывал недолго, посмотрев заявленные характеристики конфискованного судна:

– Сангарским я бы не рискнул. И с нами до Артура тащить обременительно с его двенадцатью узлами.

– Так куда? – повторил вопрос прапорщик из «доброфлотцев», поставленный капитаном на призовой трофей. Почему-то недовольный этим назначением.

– В Корсаков-на-Сахалине. А там, даст бог, как обстановка будет – уходите во Владивосток.

Потом уже ближе к вечеру пришлось бросить очередную «мелочь-рыбака», развернувшись, погнавшись за дымами на горизонте, настигнув уже в ночь по беспечным топовым огням.

Оказался «австриец»-межконтинентал с грузом из Южной Америки.

Командовавший досмотровой партией лейтенант барон Курт Штакельберг вернулся довольный, просто-таки сияя:

– Законный приз: три с половиной тонны маисовой муки в мешках и другой провизии, включая экзотические фрук-

ты... вино!

Где поймали, там и встали, не особо беспокоясь, подсвечивая прожекторами, свозя часть груза себе на борт, доводя судовые запасы провианта (включая жидкий) до необходимых норм. Пока командир опять решал, что делать с судном.

– Сколько этот семитысячник на ходу?

– Капитан злой, как собака, чертями немецкими кроет, – морщился Штакельберг, – то одно говорит, то другое. Но я по низам прошёлся, на дойче с механиками перекинулся – шестнадцать дадут.

– Евгений Александрович, – вмешался Тютюгин, вертя в руке оранжевый плод, – а вот этот груз неплохо было бы доставить в осаждённый Порт-Артур.

– С чего бы? – На голос повернулись оба офицера.

– В крепости цинга.

Трусов было хотел спросить «а вы почём знаете?», но сообразил:

– Полагаете?

– Нашим братушкам, солдатику-матросику, конечно, капустаки бы квашеной против авитаминоза, – необычный пассажир деловито и аккуратно снял кожуру, отправив в рот дольку, оскалась, – но пусть уж апельсинами давятся.

– Эк у вас, Вадим Николаевич, народная кухня от всех бед.

– Ха.

– Ах «ха!», извольте, – посуровел Трусов, отводя «амери-

канца» в сторону, – вы бы поосторожней... Что в кают-компании с выражениями да с пророчествами, что с нижними чинами излишне запанибрата, хочу вам заметить.

– Вот за одного нижнего и я хочу заметить. Думаете, я спроста?

– А ну-ка!

– Дитш Пётр. Говорит, что старший квартирмейстер. Он не из разжалованных?

– Не помню такого, – Трусов повернулся к Штакельбергу, назвав фамилию матроса.

– Это не наш, – откликнулся лейтенант, подходя ближе, – наверное, из набора Доброфлота и явно из остзейцев. А что с ним не так?

– Ага, – согласился Тютюгин, – акцент у него соответствует – лабус. Но словечки иногда проскакивают такие, что я подумал – из образованных. Не из бывших ли офицеров? То, что мне ненароком вопросыки задают «откуда я такой красивый?», я уже привык, но чтобы простой матросик...

– В карцер наглеца! – предложил лейтенант.

– Да погодите «в карцер», – вдруг напрягся Трусов, вспомнив и данные секретные подписи, и предупреждения столичного чиновника, – тут дело может быть посерьёзней.

– Я и говорю, – гнул своё Штакельберг, – в карцер и вытрясти из шельмы всё, что задумал.

– Значит так, – каперанг совсем нахмурился, глянув на штурманскую карту, зыркнув на левый борт, где продолжал-

ся ночной аврал, уточнил «который час?» и, наконец, вымутил решение: – Значит так! На «австрийца» команду – пойдёт с нами к Ляодуну. А за Дитшем этим боцману прикажите установить пока негласное наблюдение. А то пойдёт в отказ, докажи потом...

Следующим утром уже были на широте Токио и задержали сразу двух «англичан» всё с тем же самым возимым грузом – углём. Их пришлось быстро топить, так как со стороны берега, ориентировочно от залива Сагами, где у японцев база флота Йокосука, кто-то уж больно быстро и целеустремлённо шёл на сближение.

Конфискованный «австриец» хоть и держался заведомо мористее, но с его «шестнадцатю» только от какого-нибудь «Мицусимы» и убегать. А вот окажись со стороны Японии быстроходный полноценный крейсер, не поздоровилось бы и «Лене».

Затем повстречали пароход под американским флагом, следующий из Японии в Гонконг. В этот раз ничего существенного призовой офицер не обнаружил. Осмотрев бумаги, судно отпустили, предварительно ссадив на его борт команды с английских угольщиков и австрийского транспорта.

Очередные сутки (именно сутки, потому что и ночью умудрились выйти на огни очередного улова) скучать не пришлось – из пяти задержанных двое отпущены, ещё двое утоплены, один запризован. И снова «британец», что не удивительно, помня о том, кто «правит морями».

Партия полевых пушек отправилась в обход Японии во Владивосток с новой командой.

Примерно на траверсе острова Сикоку пришлось погоныться за посудиною под «хиномару», отчаянно отстреливающейся из двух раздолбанных трёхдюймовок.

Потопить одной артиллерией судно под 8000 тонн было не так уж и просто, если бы японцы сами не открыли кингстоны. Открыли, уже когда окончательно заткнулись их пушки, а пожары потушить было немыслимо.

Выловленные из воды узкоглазые матросы знали только о корпусах для трехсотпятимиллиметровых снарядов в грузе из самой Англии. Но что-то там, в трюмах «Мару», было ещё, иначе с чего бы капитан так отчаянно сопротивлялся.

Прежде чем покинули восточное побережье Японии, уже практически в проливах мимоходом заставили выброситься на берег какую-то рыбацкую шхуну. Чуть погода отогнали пару японских миноносцев, сумев вклепить одному с запретельной дистанции.

И вышли в Восточно-Китайское море.

На пути к Квельпарту повстречали всего двоих.

«Француза» в балласте из Сасебо в Шанхай отпустили, а вот американской тушёнкой не побрезговали. Взяли с собой. Тем более что запризованный четырёхтысячетонник оказался весьма ходок и не отставал. От французского шкипера узнали, что Того провёл сражения с двумя русскими эскадрами (официальная японская версия), где нанёс значитель-

ные повреждения кораблям противника. Никаких других подробностей картавый бретонец не знал, зато видел лично, в каком состоянии пришли броненосцы Того. И в довершение торжественно рассказал о взорвавшемся на рейде «Асахи».

* * *

– Ну и за каким лядом вам непременно надо было торчать на палубе во время боя с «Мару»? – Трусов говорил с укоризной, но снисходительным, почти скучнейшим тоном. – И обязательно хотелось самому пальнуть?

– Так интересно же! Только вы командира расчёта не называйте.

– Э-э... я сам ему разрешил. Иначе вас, Вадик, не отвадить было. А у нас, между прочим, двое убитых и раненые. Япоша попал всего один раз, но так ловко, сволочь.

– Жалко...

– Своеобразный вы человек, Вадим Николаевич, даром что из грядущего! Умудряетесь совмещать в себе ребячество штафирки и... – Не найдясь, что сказать, паузой каперанг перевёл разговор: – Ладно. Взяли мы вашего Дитша.

– Моего?

– Не цепляйтесь. Долго за ним приглядывали и отследили, куда он шастает часто. И вот нашли, – Трусов протянул тонкую тетрадь, – хранил в хозяйской части, в рундуке ма-

лых «чемоданов».

Тютюгин открыл, пролистал, уставившись в аккуратные, каллиграфические надписи:

– Немецкий, что ли?

– Он самый.

– Так я не понимаю.

– И я! Тем более тут половина шифром – то, что вначале.

Но дописки Штакельберг разобрал и перевёл.

– И что там?

– Про «Ямал» ваш. Описывает решётки антенн, и что врачаются. Углядел странный аппарат на кормовой площадке. Не меньше внимания уделил улыбке на форштевне, кстати, даже рисунок есть... и оранжевому цвету спасательных средств. Даже то, что шлюпки моторные с двигателями на газолине и закрытого штормового типа... всё отметил. И ещё что слышал звук двигателей летающего дирижабля.

– Образование военное так и прёт. Ясно, что германская разведка.

– Или австрийская, – пожал плечами каперанг, – в экипаже «Лены» он оказался почти перед самым выходом дополнительным набором. Ни с кем ещё не сжился, и о нём мало кто знает.

– И что с ним будете делать?

– Придём в Артур, сдадим в секретный отдел.

– А случись, сбежит? Или япы нас захватят, утопят? Такая сволочь как раз и выплывет. Ускользнёт, а это утечка. Я

человек не очень кровожадный, но целесообразней от него вообще избавиться.

– Понятно, – мрачно протянул Трусов, – собственно, и Штакельберг, несмотря на то, что сам из-под немцев, о том же – шпион он и есть шпион.

– На рею?

– Ну-у, хм... не так экзотически. Но неприятно всё это крайне. Не к чести.

Когда начальник германской разведки в беседе с кайзером задумчиво обмолвился, имея в виду «Лену»: «приди этот вспомогательный крейсер во Владивосток, пожалуй, мы бы имели информацию от непосредственного свидетеля событий», он не знал, что и эта «ниточка» в шпионской паутине германской спецслужбы оборвалась.

* * *

Рождественского у Квельпарта, конечно, они уже не застанут.

И Витгефт, проведя бункеровку и мелкий ремонт, буквально сутками ранее, тихо в вечерних сумерках снявшись с якоря, уйдёт к Ляодуну. К Порт-Артуру.

Недолго покурсивав вдоль острова, на месте недавней стоянки Трусов обнаружит выброшенное на берег оголённое днищем в отлив судно («Миннесота»). А также небольшой

пароход и японский миноносец (старый из китайских трофейных), стоящие на якоре.

Прозевав уход русских эскадр, японцам только и оставалось, что надеяться чем-то поживиться с покалеченного транспорта. Тут-то на них неожиданно и выскочит «Лена», первым делом прикончив миноносец. Затем расстреляв едва двинувшийся на холодных топках пароход.

Тактический постфактум

Мощная беспроводная станция вкупе с аэростатным оборудованием для подъёма антенны позволяла осаждённой крепости поддерживать связь с внешним миром.

В Порт-Артуре уже знали растиражированную иностранными телеграфными агентствами весть об эскадренных боях в Жёлтом море и у Квельпарта. И о том, что один из броненосцев Того взорвался, затонув на рейде Сасебо. И когда корабли Рожественского, наконец, появятся в виду Порт-Артира, адмирала как победителя встретят пушечными салютами.

* * *

Пока же у Квельпарта об этой отсроченной победе Зиновий Петрович ещё не знал. Терзался, сетовал на неудовлетворительно закончившийся бой, злился на себя, периодически спуская своё недовольство на окружающих.

Дождь уже вовсю полоскал некогда измаранное дымом двух эскадр небо.

По окончательной утере контакта с броненосцами Того корабли Рожественского сходились к месту стоянки разрозненно: отдельно «бородинцы», чуть погодя «Ослябя» и «Ри-

он», покончившие с «Читосе».

«Миннесота» ещё чадила, а «Воронеж» моряки сумели потушить, рискуя взлететь на воздух, так как на обеспечителе ещё оставались запасы снарядов.

Едва бросили якоря, телеграфисты флагмана перехватили «искру» русскими кодами – это оказался передовой крейсерский отряд Рейценштейна, и вскоре...

И вскоре две эскадры зашлись приветственными паровыми гудками – 1-й Тихоокеанская эскадра медленно, осторожно втягивалась на стоянку!

Натерпевшиеся корабли сразу выстраивали с расчётом как отразить минные атаки, так и, имея возможность, снявшись с якоря, оперативно выдвинуться для встречного артиллерийского боя.

Пока проводились все эти весьма небыстрые, если вообще не неуклюжие эволюции, «Рион» спешно ушёл на линию к Шанхаю, где в обусловленной промежуточной точке следовало связаться в эфире с немецкими угольщиками.

Рождественский сразу взял быка за рога, поставив «точки» над... кто тут главный:

– Младшие флагманы, командиры кораблей первого ранга и прочий начальствующий состав предстать пред моими очами!

Во исполнение приказа меж судами забегали паровые катера, свозя офицеров на «Суворов».

Впрочем, никто из 1-й Тихоокеанской и не оспаривал пре-

рогативу Зиновия Петровича – взять командование на себя. Что вице-адмирал Ухтомский, что контр-адмирал Матусевич (те самые младшие флагманы) с радостью готовы были снять с себя всякую ответственность, однако не тут-то было!

Выслушав доклады о состоянии кораблей, запасах топлива, командующий для начала заверил, что угольщики прибудут как минимум завтра! А затем категорически объявил, что намеревается спешно следовать к Ляодуну с целью нанести удар по тактической якорной стоянке японцев на Эллиотах! И как минимум блокировать Дальний! Посему забирает крейсера, а также наилучшего ходока из броненосцев – менее пострадавшего «Ретвизана»! На все растерянные протесты штаба Матусевича, что, дескать, «оставляет их беззащитными», раздражённо отмахнулся! Тем не менее успокоил:

– Думаю, Того минимум на месяц-полтора выбыл из линии! Сейчас у японцев в деле, вероятней всего, только три броненосных крейсера Камимуры и бронепалубная мелочь. «Адзуму» мы потопили близ Хоккайдо. Отобьётесь, если что! Большую угрозу вижу от миноносцев. Этой ночью вряд ли стоит их ждать, но уже завтра озаботьтесь противоминными сетями и службой брандвахты. Впрочем, и сейчас сии меры обязательны. Оставляю вам «Палладу», «Ослябю», и надеюсь, наши миноносники к утру вернутся.

– Зиновий Петрович, – нашёл свои возражения Бэр, – но это как минимум не практично! Дайте нам время, обещаю,

машины приведут в порядок! В конце концов, мы уже сплаванные... опять же, на «Ослябе» радиостанция.

– Хорошо, – попустил немного Рождественский.

Как бы он ни торопился нанести неожиданный визит на Эллиоты, не дав японцам отреагировать и вообще провести рокировку, перебросив к Порт-Артуру, например, крейсера Камимуры, вопрос с этими самыми броненосными крейсерами ещё оставался. Сумел ли Камимура перехватить и навязать бой Владивостокскому отряду, который согласно планам в том числе должен был совершить переход к Квельпарту? Если – да, то дело могло повернуться дурным боком.

Если быть честным, Зиновий Петрович больше желал увидеть «владивостокцев» в неповреждённом виде в своём подчинении!

Правда, новость о гибели «Рюрика» у берегов Камчатки вносила неприятные коррективы в расчёты. И всё же...

И всё же он решил немного выждать и выступить не срочно... на завтра!

Утренним туманом или крайним сроком вечерними сумерками.

– Что там у Бэра? Ещё раз уточните...

– У Бэра кое-где потрепало дополнительное блиндирование в оконечностях, – докладывал Коломейцев, – дыры в трубах и дефлекторах залатают... да, как и у нас на «Суворове».

– А горел?..

– Не без того, но в основном выгорела новая краска. Перелицуют! Тем более что мне всё равно камуфляж «Осляби» не нравился. Рисунок надо делать более крупными фрагментами, тогда...

– Сейчас это дело восьмое, – отмахнулся адмирал, – дальше!

– «Маньчжурия» молчит, боюсь, что...

– Дальше!

– С «Воронежа» выгружают снаряды, весь уголь и всё ремонтное хозяйство. Океанской зыбью его развернуло лагом к берегу, ударив о рифы, повредив винты и руль. Теперь или бросать, или, облегчив, с приливом снять с мели и отбуксировать.

– Это уже головная боль Матусевича, – уставший мозг адмирала сужал внимание только на главном, – но лучше отвести его в Циндао, в Артуре на постановку в доки будет очередь. Дальше!

– Да, собственно, всё. Нам «Рион» с угольщиками можно не ждать. До Артура хватит и ещё останется. «Владивостокцев» бы дожидаться...

– Да, по оговоренным срокам должны уж быть, – кивнул тяжёлой головой Зиновий Петрович, – и ладно! Я покуда к себе. Отдохну. Будить только... сами понимаете.

– Так точно, ваше высокопревосходительство.

– Хотя... – уже в дверях остановился адмирал, – выступим всё же к завтрашнему вечеру. Можете обрадовать Бэра

– у него на ремонт почитай целые сутки. А то напорют его механики в спешке, охromeет в самый неподходящий...

* * *

Когда вторыми склянками за полночь прорезался телеграф с «Маньчжурии» (объявилась-таки!), с «Суворова» отбили «квитанцию», чтобы оставались в дрейфе и к месту подходили уже, как будет светать.

Брандвахте в непроглядной тьме уже дважды мерещились вражеские миноносцы – люди дёргались, едва не срывались на пальбу, но по эскадре был строгий приказ «соблюдать полное затемнение и попусту себя не демаскировать». Даже внешние ремонтные работы были прекращены.

Измаявшаяся обслуга провела всю ночь у орудий, так и не посмев открыть огонь в неизвестность.

С рассветом пришло радостное пополнение!

Только забрезжило – появились с востока «владивостокцы», сопровождаемые... ну, надо ж (!), миноносцами под брейд-вымпелом кавторанга Елисеева, каким-то символическим единением, почти случайно встретившись в море.

И не так важно, что эта случайность объяснялась одним логичным курсовым направлением. Символичность преобладала!

По такому событию рында была хуже, чем орал горластый дурной деревенский петух, окончательно вырвав командуя-

щего из сна.

Зиновий Петрович, отщёлкнув крышку часов, уже и сам, понимая, что его пощадили, не тревожа до последнего, всё ж ругнулся – пора вставать. В нетерпеливой побудке, умывшись, побрившись, томимый нетерпением, слушал ординарца, который тараторил обо всём, что знал.

Утром после вчерашнего нашёл туман, но бриз – переменчивое дитя берега и моря – порвал его на лоскуты, развеяв, и теперь теребил, шевелил, трепал волосы, встретив ореолом восходящего солнца.

Что-то было радостное во всём этом природном явлении. И представшая картина, в конце концов, была впечатляющая!

Телеграф, конечно, заранее предупредил о прибытии, и народ – экипажи, моряки – высыпал на палубы, не смолкая долгим «ура».

Крейсера подходили как на параде, трепеща гирляндами сигнальных флажков!

Скопище кораблей... Хотя «скопище» сказать неправильно – все суда расставлены согласно порядку и плану, и пусть все броненосцы несли на себе в той или иной степени следы недавних битв, а «Пересвет» был совсем жалок со сбитыми мачтами (мужчин шрамы только украшают), – столько кораблей в одном месте это сила-силица.

Крейсера только бросали якоря, как на горизонте появились, быстро вырастая, дымы.

Вскоре разглядев одинокую «собачку», двинули на перехват «Богатырь».

Японцы, едва опознав его, тут же развернулись и полным ходом растаяли в дымке.

– Ночью ждите гостей, – заметил Матусевичу Коломейцев и посоветовал: – Рекомендую загодя на берег отправить команду – развести пятью верстами в стороне демаскирующие огни. Японцы могут клюнуть на такую обманку.

Владивостокский отряд привёл Иессен, доложившись Рождественскому.

– А что ж Дубасов? – встречно спросил командующий.

– Приболел-с. Довели Фёдор Васильевича интенданты и портовые чинуши.

* * *

С приходом Владивостокского отряда крейсерское охранение стало более плотным. Однако японские разведчики в течение дня появлялись лишь дважды, а помня о двадцати четырёх узлах «Богатыря», близко подходить не осмеливались, минимум удовлетворившись пересчётом вымпелов русской эскадры.

Ещё в три пополудни Бэр отрапортовал, что его «Ослябя» в строю.

Немного погодя «Рион» благополучно «отстучал», что на

подходе с угольщиками.

Рожественский с флагманскими офицерами основательно засел за проработку операций у Ляодуна, выудив ещё один «рояль» от «ямаловцев» – карту Эллиотов с подробными планами японских минных постановок.

Как и было решено, с наступлением сумерек вновь сформированная эскадра выступила.

Четыре броненосца, два крейсерских отряда (Рожественский оставил «Аскольд» и «Новик» за Рейценштейном), вспомогательные «Рион» и «Маньчжурия». Прихватили с собой и один из немецких угольщиков.

Уходили в молчании, без огней (нечего японцам знать), поотрядно покидая место.

С видом на Темзу

– Ваше величество...

– Без формальностей, Джеки, мы уж не в парламенте, – Эдуард под номером VII попытался терпеливо смягчить напор Фишера.

Закрытый экипаж, отъехав от правительственных зданий, мягко поскрипывал рессорами и кожаными сиденьями. Через приоткрытый бархат оконной шторы вливался сырой лондонский воздух, перемешанный с запахами печных труб, риголена и конского навоза¹¹.

Догадавшись, а скорее почувствовав по короткой экспрессии, что первый лорд адмиралтейства на взводе и едва ли не взбешён, король стал наставительно вкрадчив:

– Неравнодушные люди, а мы, мой дорогой, по долгу обязаны чувствительно принимать все события, двойко могут реагировать на непонятные вещи. Одни, затаившись, ждут... другие сразу атакуют. Ты, будучи военным, относишься ко второй категории – жаждешь нанести упредительный удар, вытравив всю непонятность на корню.

– Не могли два корабля Великобритании исчезнуть бесследно! Должен был кто-то или что-то остаться. Я пошлю экспедицию под мою личную ответственность! Я лично...

¹¹ Риголен. Он же газолин, или «петролейный эфир». Применялся в газовом освещении. Применялся как рабочая карбюраторная жидкость в автомобилях.

– У тебя нет личной ответственности. За тебя несёт ответственность корона!

– Я не намерен поворачиваться к опасности спиной...

– Нет нужды говорить столь громко, – осёк собеседника Эдуард, – твои привилегии...

– ...и подставлять другую щеку не собираюсь, – сбавив тон, проворчал Фишер, – я знаю свои привилегии.

...Конечно, имея в виду обязанности.

Какое-то время ехали насупленно молча. Карета неторопливо катила по вымощенной набережной Виктории. Слева, неся свои воды, плескалась Темза, по речной ряби, попрыкивая, прошлёпал колёсами небольшой пароход, коротко прогудев кому-то встречному. Далече донёсся протяжный колокол башенных часов, пробивших шесть пополудни.

В домах всей просвещённой Англии припозднившиеся ещё по малому столовались традиционным послеобеденным файф-о-клоком.

Эдуард VII сглотнул – не выпитый в привычное время под пирожные чай ощущался пока лёгким «чего-то не хватает», но скоро голод даст о себе знать. Поелозив задом, меняя позу, монарх снова заговорил:

– Мы не можем себе позволить отвлекаться на эмоции. Там, на Тихом океане, у Петропавловска что-либо следовало предпринимать по горячим следам, а Джеллико увёл свои корабли. Флот оказался не на высоте.

– Кэптен, как человек адекватный своему назначению и

заданию, выполнял данные ему инструкции, – заступился за своего Фишер, – объект утонул. Выловленные из воды доказательства свидетельствуют о причастности искомого судна к САСШ.

– Я видел отчёт. Это не доклад, а попытка оправдаться! Там ещё много осталось неочевидного. Чёрт возьми! Вот уж не думал, что вопросы щекотливости в этой операции будут именно нашей проблемой. Однако русские молчат. Никаких протестов и дипломатических нот. Они упорно держатся версии японских кораблей, но мы-то понимаем, что они не могут не знать, с кем именно случился бой... Где, кстати, был утоплен их крейсер!

Более того, в официальном заявлении российского морского ведомства лично я вижу неявный... или как раз таки непосредственный намёк.

– Понимают, что конфликт с нами чреват, – высказал мнение Фишер, – а они сейчас не в том положении, чтобы лезть на рожон.

– Или же дело было и остаётся нечистым, – вклинил монарх.

– Чёрт возьми, ты прав! Эта вода и без того была непрозрачной, теперь и вовсе стала мутной.

Адмирал продолжал дышать недовольством и неудовлетворённостью, однако всё указывало на то, что первый лорд всё же остыл и признал безоговорочное превосходство вышестоящего.

Отвернувшись к окну, чтобы не вдыхать дым (Эдуард раскурил сигару), Фишер, между прочим, вспомнил:

– Кстати! Является ли это показательным совпадением, но именно после заявления о бое с японскими крейсерами у берегов Камчатки и известных нам последствий, о которых доложил Джеллико, российское морское ведомство заказало на наших верфях два судна ледокольного класса.

– Что-то необычное?

– Концепция продавливания льда весом судна апробирована на пароходе «Ермак», но обводы, форма форштевня и всей носовой части доведены до совершенства. Имеются некоторые любопытные конструктивные решения, что в итоге, полагаю, проверится длительной эксплуатацией и практикой.

Одно судно рассчитано на обычные водотрубные котлы Бельвилля, второе проектируется под турбинную установку Парсонса с универсальным отоплением – уголь и нефть. Но русские якобы намерены внести в машину сэра Чарльза какие-то усовершенствования... после принятия этих усовершенствований в патент. Какие – пока неизвестно. Но уже точно известно, что оба судна будут приводиться в движение от электромоторов. Русские дали этому обоснования...

– Оставим технические подробности. Это гражданские проекты?

– Да. Но я изучил чертежи – некоторые помещения и отсеки остаются зарезервированными под непонятное назна-

чение. И уж как опытный моряк могу сказать, что места под размещение орудий я увидел.

Карета свернула на Нью-Кент-роад, слегка затрясшись на неровностях. Откуда-то, тонко задев рецепторы, повеяло дразнящим запахом свежего хлеба, и Эдуард испытал вместе со слюноотделением лёгкое раздражение голодом.

Сглотнув, немного увёл тему:

– В одном они там, в Уайт-холле правы, пусть и не обладают всей полнотой информации – строительство военной базы на Коле является для нас потенциальной угрозой¹². Русские готовы потратить на северную программу баснословную сумму, и царь Николай лично вкладывает свои деньги. А вот проект «Северный морской путь» сам по себе это движение исключительно на восток, который приведёт к ослаблению давления на других направлениях. И знаешь, я готов допустить эти притязания Николая... Наверное, оттого что в нас живут и доминируют иллюзии приоритета первородства. В конце концов, русские уже там давно! И даже добирались до Аляски!.. Иначе – они в некотором своём праве! Лишь бы не стремились на юг, к Персии и Индии.

Пусть уж копошатся в ледяном медвежьем углу, где холодно и кроме рыбы прокормиться более нечем. Едят вонючий моржовый жир и олений лишайник, э-э-э – ягель, по-

¹² Уайт-холл – улица в Лондоне, название которой стало нарицательным обозначением правительства Великобритании.

моему.

Возникла непродолжительная пауза.

При упоминании ягеля Фишер бросил короткий взгляд – Эдуард явно заранее интересовался какими-то северными «изысками». И сам адмирал, имея на руках конспектированные записи для доклада, не пытаясь зачитать их в полумраке кареты, начал сыпать данными, приводя цифры по памяти:

– Их кораблям от Финского залива Кронштадта до залива Петра Великого Владивостока, если следовать через Суэцкий канал, – двенадцать с половиной тысяч миль. А маршрут вокруг Африки – почти шестнадцать тысяч. Расчёт наших специалистов-картографов Северного морского пути по координатным сеткам с учётом изгибов береговой черты даёт примерно семь, восемь тысяч морских миль. Но это не значит, что расстояние и время пути можно делить на два!

Во-первых, преодоление льдов происходит на пониженной скорости. Во-вторых... – Здесь морской министр показал, что тоже основательно готовился. – На языке саамов¹³ около ста с лишним слов обозначающих «лёд». Что это значит?

Что эта среда далеко не так постоянна, подвержена смещениям и дрейфу толстых паковых полей. В связи с чем приходится выбирать обходные, более лёгкие, пути среди тяжёлых льдов, что, по мнению наших аналитиков, подтвердилось общим временем следования эскадры Рождественского от Ба-

¹³ Саамы – коренной народ северных окраин Евразии.

ренца до первых вестей о нём с Дальнего Востока. Добавлю к этому перерасход топлива, отсутствие у русских промежуточных угольных станций, непродолжительные сроки навигации... В общем, пока особо переживать за оседлание русскими северных широт не приходится.

Касательно строительства военно-морской базы – её снабжение без железной дороги невозможно, а проектирование полноценной ветки только началось. Узкоколейка до Архангельска не справляется даже с пассажиропотоком. С этой же проблемой – доставкой материалов и прочим обеспечением – столкнётся и собственное судостроительное производство. Даже если Крамп возведёт там верфь и другие производственные мощности. Но на самом деле большие военные корабли русским на севере пока и не нужны. Если только быстроходные лёгкие силы против браконьеров.

– Или охранять секретные проекты, – напомнил Эдуард, – по данным разведки, что-то к перегону из Балтики на север всё же готовятся. То есть русские не боятся оголить подступы к Санкт-Петербургу. Учитывая уход на Дальний Восток отряда Рождественского, а следом дополнительных кораблей под командованием Небогатова.

Неужели они так уверены, что мы не вмешаемся на стороне Японии, особенно когда нагло топят рейдерами наши коммерческие пароходы? Или же здесь что-то другое? Не пахнет ли договором Николая с Вильгельмом? Германия и без того набирает обороты, проникая на колониальные рын-

ки, повсеместно наступая нам на пятки! Некоторые позиции немецких товаров вытесняют наши...

– Ещё Берлин планирует научные экспедиции в Арктику, – сделал замечание адмирал, – под предлогом изучения местной флоры, фауны и прочей орнитологической чепухи. Уж не знаю, согласовано ли это с русскими, но однозначно без участия германской разведки здесь не обойдётся.

– Проклятье! Союзного сговора Ники и Вилли допустить нельзя! У Германии нет иного пути, как только на конфронтацию с нами.

– Да, – мрачно согласился Фишер, – не секрет, что с подачи кайзера морской министр фон Тирпиц планирует постройку мощного океанского флота...

– Несмотря на всю скаредность, чёртовы гунны всегда были слишком воинственны, – недокуренный огрызок сигары раздражённо метнулся в вечерний сумрак.

За окном угадывались знакомые здания – карета целенаправленно катила через Бёрдкейдж-уолк к Букингемскому дворцу.

– У нас тонкая и сложная задача, – наконец проговорил монарх, – довести войну на Дальнем Востоке в выгодном нам русле – то есть ослабить Россию, но и в открытую драку желательно не ввязываться. Хватит того, что напортачили негодным исполнением у Камчатки! Но на ближайшую перспективу нам крайне важно втянуть Николая в будущий союз против Германии.

– У Японии одна стратегия – стратегия победы. А дела у них с приходом Рождественского стали клониться в худшую сторону. Боюсь, без нашей помощи узкоглазые дело к победе не вытянут.

– Придётся лавировать, давя на Николая присутствием флота в Вэйхайвэе, чтобы не допустить полного разгрома Японии. В конце концов, должны остаться условия возвращения вложенных денег. Но и желтокожие макаки должны понимать... и быть рады завершить войну компромиссным миром. Таким образом, микадо будет нуждаться в нас как в сильном союзнике против по-прежнему сильного соседа, и Петербург будет чувствовать постоянную угрозу японского реванша. Британия же достойно выступит в роли арбитра и гаранта стабильности. Что же касается Арктики, Джон... полагаю необходимо послать свою экспедицию. Если начать подготовку сейчас, как раз к следующей навигации успеем.

* * *

Через неделю Министерство иностранных дел Российской империи выступило с официальной нотой «о полярных владениях», где в первую очередь подтверждались ранние царские указы (датированные с 1616 года), сенатские и императорские распоряжения об исключительных правах российских подданных на торговлю и промыслы в районах Арктики. В том числе обосновывалась инструкция от 1893 го-

да, подводящая под суверенитет России все заливы, бухты и рейды русского побережья Северного Ледовитого океана.

Нынешним же меморандумом объявлялись территориальные претензии на все открытые и могущие быть открытыми острова и земли, расположенные в Ледовитом океане близ азиатского побережья империи, являющиеся продолжением континентального пространства Сибири. Перечень был конкретизирован с нанесением на карту уже исследованных и доселе неизвестных земель.

Также теперь под властные полномочия российского государства входили территории, заключённые в секторе Арктики между меридианами, идущими от крайней западной точки северной границы империи и середины Берингова пролива на востоке до Северного полюса. В частности, архипелаг Франца-Иосифа и частично архипелаг Шпицберген-Грумант.

В том же тексте заявлялось, что моря Белое, Карское, Норденшёльда и Восточно-Сибирское (в пределах российского сектора) представляют собой моря заливного типа, и на них распространяется режим внутренних вод¹⁴. Сюда же были включены воды Чешской, Печорской, Байдарацкой, Обской губ, Енисейского залива, а также проливы, отделяющие от материка острова: Новая Земля, Колгуев, Вайгач, Земля Императора Николая II, Анжу, Ляховские, Новосибирские, Врангеля и ряд более мелких островов, а также

¹⁴ Море Норденшёльда – оно же Лаптевых.

проливов, разделяющих эти земли или архипелаги¹⁵.

Особой графой был выделен пункт о статусе и всей российской правовой доктрины относительно Северного морского пути.

Заявление МИДа Российской империи не то чтобы вызвало бурную реакцию в правительственных и дипломатических кругах других государств, однако...

Однако переход Рождественского был на слуху и во внимании морских держав и их военных представителей, вызывая в том числе закономерный интерес у морских перевозчиков. В основном их реакция определялась либо поверхностными знаниями, либо как раз таки профессиональной информированностью о сложности и непредсказуемости северных условий и совершенной неизученности этих морских путей.

И, пожалуй, только дилетантские газетёнки выкинули кричащие заголовки и статейки о притязательной лапе русского медведя на новые владения. Впрочем, новость недолго продержалась на первых полосах, особой шумихи и тем более политического скандала не получилось – мало кому было дело до ледяных безлюдных земель. Кроме только что норвежцев, по понятным причинам забеспокоившихся о своих рыбопромысловых угодьях. Не обошлось и без пристального внимания Великобритании, очень трепетно относящейся к любым компонентам своей морской стратегии. Вопрос был поднят на обсуждение даже в парламенте и правительстве.

¹⁵ Земля Императора Николая II – известна как Северная Земля.

Принимая соразмерность и обоснованность юридических притязаний России на прилегающие территории, а также здраво оценивая Северный морской путь как пока «неизведанный, опасный и едва ли не сомнительный проект», их лордства, тем не менее, глядели на перспективу! Посчитав, что подобный маршрут должен стать международным транспортным путём, как минимум с привилегией транзитного судоходства, собирались согласовать свои будущие решения с нормами морского права. Однако вследствие отсутствия адекватной информации о северных акваториях (в данном случае и главным образом представленной русской стороной) дело это однозначно должно было затянуться и пока больше чем говорильней в обеих палатах не продвинулось.

Где косые лучи светила не греют

– Вчера выпил малёха...

– И?..

– Разговаривал с Богом.

– ??? – Брови полезли вверх... в полусарказме... в полудивлении.

– Попросил...

– О! Это традиционно! И о чём? – Сплошная ирония.

– Попросил, чтобы экскременты пахли фиалками. Поскольку, как завещал Чехов, «в человеке всё прекрасно», кроме...

– Альтернативненько! И?..

– Не отказал, в принципе. Принял, так сказать, к рассмотрению. Только...

– Что «только»? Подвох? – Снисходительно.

– Да вот подумал я, подумал... и на следующий день перезвонил на небеса. Попросил отменить просьбу.

– Что ж так? – Уже с интересом.

– Фиалки стало жалко. Возненавидят их.

Эссе Шпаковского без повода... и по поводу

– Вот текст разговора с Гладковым, – начальник безопасности протянул капитану листок, – в этот раз говорили долго, минут сорок, и это подробно проштудированная стенография. Ключевые слова подчёркнуты, но на все щекотливые моменты мы предусмотреть шифр не могли, не предполага-

ли. Так что внизу «пээсом» моя предварительная трактовка.

Чертов изучал придирчиво, наконец, отложив бумагу, заключил:

– Собственно, ничего нового.

– Может, напрасно мы выбрали эмиссаром Гладкова?

– Он как инженер, а главное своими организаторскими способностями лучше всего подходил.

– Зато упрямый коммунист.

– С чего бы?.. – Повёл бровью капитан. – Не вижу ничего плохого в том, что человек придерживается принципов. А Алфеич как раз таки трезво оценивает ошибки как первых большевиков и душики Сталина, так и последышей, вплоть до Брежнева.

– И, тем не менее, осуждает царизм, относясь предвзято. Иначе с чего его вечные разногласия с Николаем.

– Виноват не царизм. Можно подумать, у нас году в две тысячи шестнадцатом при кагэбэшном президенте система сильно отходила от парадигмы единовластия. В данный момент развитие Российской империи сдерживает старая элита – та, что держит в своих руках все ресурсы, производство и, главное, власть. Им перемены ни к чему, у них и так всё прекрасно. А это застой.

– Им, козлам, крестьянин и с сохой вполне сойдёт, – поддакнул Шпаковский.

– Примерно так, – кивнул кэп, – и революция началась в том числе из-за того, что одна элита – буржуазная – попёрла

на другую – династическую.

– Сведя себя-дураков на ноль с палочкой, – снова вставил помощник.

– А уж большевики и эту палочку, и ноль перемножили на ещё одни нолик, – согласился кэп, – сумев и страну загнать в полное дерьмо... Я в смысле – когда они заветом Интернационала рушили «до основания». И, чёрт возьми, как-то потом, сумев вытащить за уши «индустриализацию»... какой ценой, страшно посчитать. Но страну при всём при этом спасли от полного краха.

Гладков же хорош именно тем, что будет упрямо, аргументированно и обоснованно отстаивать именно наши «ямаловские» интересы. Как я понял, из текста, Николай продолжает давить, желая загнать нас в полное подчинение.

– Этого не избежать.

– Но маркеры всё же расставить надо.

Шпаковский не совсем понял, что Чертов имел в виду под термином «маркеры», но общий контекст просёк.

– В конце концов, – добавил Андрей Анатольевич, – Никдва ничего не может поделывать со своей звёздной семейкой. А мы, как ни крути, являемся не меньшей силой в раскладах. Пусть и с нами считается... блин, хотя бы прислушивается! Ведь мы же не дурное советуем. А он порой прёт твердолобо, оперируя лишь заносчивостью и дворянскими понтами в стиле: «Аз есмь царь!»

– А сам в семнадцатом всё прожопил, – не мог не ввернуть

Шпаковский, всегда резкий на оценку.

– Кстати, хотел всё спросить: давеча ты о фиалках... это ты о чём?

– О том, что неправильно оценивать окружающее, руководствуясь только своими эмпатиями или предвзятостями. Здесь налицо дефицит объективности!.. Это как в ощущениях-восприятиях – обонятельных, осязательных и ещё там, какие есть. Мелодия будильника спустя несколько утренних побудок становится ненавистной, так как вырывает нас из сна к чёртовой матери; запахи туалетных дезодорантов вскоре уже ассоциируются с уборной, а не с «ландышем» или какой-то ещё заявленной на баллончике «свежестью». А касательно напрямую «фиалок»... тут вообще другая философия философий. Не буду заморачивать ни тебя, ни себя, в конце концов.

Чуть помолчали, каждый о своём.

Каждый цедил свою жидкость: гость – кофе с удовольствием, идущий на поправку кэп – какую-то микстуру кривьясь.

Ещё капитан вчера маялся в медицинском блоке, пичканный уколами, – добегался расхристанный по палубам, достоялся на свежем воздухе с сигаретой, надышался дыханием Арктики. И слёг почти до кризиса с осложнениями.

Главный судовой врач Кацков был категоричен – свою добычу не отпускал положенную неделю, насилу разрешив беспокойному пациенту долёживать хворь у себя в каюте.

Судовождение на это время приняли старпом и вахтенный помощник капитана, но по «Ямалу» главенствовал фактически начальник безопасности, вот так периодически заглядывая к кэпу с докладами.

– Ты говоришь «упрямый коммунист», – отставил чашку Чертов, – вот попали бы к Николаше на блины не мы на «Ямале», а «Ленин» из семидесятых – я про ледокол. Вот тогда бы точно завертелось в духе «Аэлиты» с революцией на Марсе, и «пламенные сердца» для начала белую Арктику окрасили бы на картах в красный цвет, а потом...

– Ничего бы у них не получилось, – покачал головой Шпаковский, – особенно если бы нахрапом попёрли. Расстреляли бы их занюханым крейсерком... или легли бы под пулями гвардии, да под казачьими шашками. В лучшем случае в Америку сбёгли. Интересно, а при каких обстоятельствах мы бы?..

– Что? В Америку?

– Ну да.

– Прижми нас Романовы, что хуже некуда, так и... – капитан пожал плечами, – мало ли как оно повернулось бы. Разговорчики по экипажу разные ходили. И это я считаю правильным – просматривать и просчитывать равные варианты, и...

– И выбирать неизбежный, – недобро приложил Шпаковский.

– Вот уж действительно.

Оба вдруг покосились на стенограмму переговоров с Гладковым.

* * *

Как оно бывает – порой по мыслям и планам заурядное мероприятие вдруг непредвиденно превращается в целую эпопею, со всем букетом трудностей и их почти героическим преодолением.

Ледяной массив в море Лаптевых имел постоянный дрейф, и в отсутствие спутниковой навигации штурман вспомнил все старые приёмы, применяя весь свой полярный опыт, все знания, чтобы как можно точнее вывести судно к искомому месту. Целью была невероятная находка – четырёхмоторный самолёт ДБ-А, потерянный в 1937 году и обнаруженный здесь, в непонятно каком «девятьсот четвёртом».

Ветер уж какие сутки дул беспрестанно... до двадцати метров в секунду с порывами. Температура выше к широтам опустилась ниже пятнадцати градусов. И сыпало. Когда мелко, когда жирными «белыми мухами», когда колючими снежными зарядами.

Палубы заваливало снегом, обледеневая, образуя пушистую бахрому на леерах и оконечностях.

Организовывали повахтенные команды, соскребая с антенн наледь, счищая сугробы за борт.

Вообще после Анжу шли тяжко¹⁶. Делая порой не более шести-десяти навигационных миль за вахту, выискивая слабины во льдах, следуя торными разломами. Что, надо сказать, частенько уводило с курсовой линии.

И ломились напрямую – в этих случаях настойчивый нос ледокола будто выстреленным треском раскалывал засыпанный снегом панцирь, образовывая убегающую вперёд изломанную в кристалле трещину-молнию. А продирающийся сквозь льды корпус судна сопровождала постоянная, вечно переменная дрожь.

«Ямаловцы» занимались рутинной работой, несли вахты – ледолом для них не в диковинку. А вот важный пассажир, до недавнего наместник на Дальнем Востоке, с нескрываемым интересом, почти заворуженно глядел, как толстый двух-трёхметровый пак проминался форштевнем, крупными обломками становясь на ребро, как бесстрастная природа Арктики уступала, пропуская в свои владения мощное творение рук человеческих. Иногда в торосовых развалах в изумрудных изломах льда попадался слоистый индиговый рисунок, что говорило о многолетней спрессованности и долгом блуждании некогда крупного айсберга.

– Видите вот там, – показывал сопровождавший адмирала помощник капитана, – в полукилometре левее курса...

Его высокопревосходительство смотрел в указанном на-

¹⁶ Острова Анжу – центральная и наиболее крупная часть Новосибирского архипелага.

правлении – туда, где виднелась горбатящаяся гряда льда высотой и размерами куда больше заурядных торосов, а опытный полярник продолжал пояснять:

– ...обратите внимание на скруглённые, оплывшие на солнце и ветру грани. Судя по положению и виду, это старый, вмёрзший в массив айсберг. Размер его киля – подводной части – может ещё более источиться подводными течениями и быть уже на пороге к перевороту. Особенно если мы пройдём в опасной близости, всколыхнув неустойчивую систему.

Сам наместник приделся в более тёплые практичные вещи, выданные боцманом, став почти неотличимым от «местных» – таких же порой бородатых, в долгой полярке не тратящихся на бритвенные принадлежности. Единственное, что выдавало его высокопревосходительство – степенная осанка, властный взгляд. А уж как заговорит...

Из всех гостей-аборигенов, тем более высокопоставленных, адмирал Алексеев оказался самым старательным и вникающим во всякие мелочи, включая естествознательные. Возможно, в силу того, что у него для этого было вдосталь времени. Помимо работы с документами в судовой библиотеке и даже тыча пальцем в компьютер, он с удовольствием уделял внимание досуговым, бытовым аспектам. Например, регулярно посещая кинозал, где собирались на коллективный (по интересам) просмотр подвахтенные.

– Исторические, – делился с капитаном начальник без-

опасности ледокола, – в смысле те, которые и для него исторические, смотрит с понятным интересом. Художественные фильмы о нынешнем времени (о дореволюционной эпохе) – только головой качает, естественно, находя грубые нестыковки. За всякими «терминаторами», прочей зрелищной фантастикой и триллерами, видимо, просто не поспевают – переварить и перевести в голове термины. Старые советские киноленты, те, что из самых удачных и вечных для определенного поколения, воспринимает неожиданно живо, наверное, оттого, что они на простом разговорном русском. Но недоумевают. Как мне сказал, «совсем путаю нравы – где дворянин, где разночинец!». В общем, не понимает людей другой формации, выискивая сословность. А больше всего ему доходит западный кинематограф, чаще голливудский, в котором происходят события до середины двадцатого века. Дескать, иностранцы, демократии-республики – что с них возьмешь. Я это к чему...

– К чему?

– А к тому, что изначально нами была выбрана правильная стратегия подданства – мы американцы! Разделённые по профессиональным должностям, но без грузил кастовости. Так мы более понятны «их высокопревосходительствам». Да и чинам пожиже.

– А кстати, что остальные гости-пассажиры? Из охраны заместника, свиты...

– Я бы сказал – обречены. Обречены поселиться в закры-

той базе-поселении без права выхода в большой мир, будучи повязанными большой тайной. Не знаю, как каперанг и гвардейский полковник – всё-таки офицеры... какие там к ним секретная служба применит допуски. А нижним чинам теперь, скорей всего, куковать на северах. Пока не «распогодится» всё тайное и сверхсокрытое.

* * *

К утру, словно наконец исчерпав запас, снег прекратился. Солнце в морозном мареве приподнималось над горизонтом робко, но как всегда величественно, представив почти жизнерадостную, но неизменно пустынную картину – белое от края до края поле, бугрящееся то тут, то там наростами-то-росами и прочими неоднородностями.

«Ямал» катил на четырёх узлах, нащупав очередной торный путь – всего лишь полутораметровый лёд, с непринуждённой мягкостью его сминая.

Шпаковский, застегнувшись под самый подбородок и натянув поплотнее шапку, вышел на верхнюю палубу, куда высыпали десяток человек – на очередную плановую расчистку снега. Заметив там же в стороне высокую фигуру наместника, коротко поприветствовал, закурил, пустив дымно-парное облако:

– Утром вдруг смотришь – к ногам твоим несёт позёмкой, заматая всё прошлое. И пред тобою открывается девствен-

ный снег, чистый мир, ждущий новых шагов: когда ты оставишь в нём свой след, напишешь свою историю.

– Да вы поэт, Вадим Валерьевич... – откликнулся адмирал и отвлёкся, глядя, как с юта стремительно пошёл на взлёт маленький летательный аппарат.

В ходовой рубке между тем штурман поставил точку на карте, ещё и утвердительно значением ткнул в неё пальцем, молча взглянув на старпома – дескать «тут»!

Или «где-то тут».

Ледокол остановился, замер, сам как айсберг-бродяга, чужеродный этому ледяному великолепию своим чёрным низом, красным верхом, лишь окантованный белым подбоем инея и налипшего снега.

После беспрестанного скрежещущего ледолома наступила тишина. Почти тишина. Только подёрнутая дымкой ледяная пустыня изнывала ветром, зудела ползущей по широкому кругу крылатой мухой беспилотника – ныла тоскливым выжиданием.

На холоде стоять долго не в комфорт. Докурив, спустились вниз, в «ходовую».

– Ничего?

– Ничего!

С вертолётной площадки стартовала вторая беспилотная машина – подключились к её видеокамере, ведя в том числе и визуальное наблюдение. Не дождавшись быстрых результатов, перекинувшись ещё какими-то фразами с оператора

ми, что не спускали глаз с мониторов с данными от БПЛА, начальник безопасности покинул мостик.

Экипаж основательно занялся поиском советского артефакта, мотивированный ещё одним неожиданным, если не сказать, сенсационным открытием.

* * *

– С чего начать, с водки или с закуски? – Ввалился Шпаковский.

– С водки конечно же, – так же несерьёзно отреагировал Чертов, зная манеру помощника.

– Ну, на «крепкое» для начала: по каналу из Петербурга пришло известие: нынешние мировые телеграфные СМИ растрезвонили, что Того провёл бои с эскадрами Витгефта и Рожественского. Флот микадо вернулся в Сасебо весь достойный, потрёпанный, но не побеждённый. Однако один «эбээр» прямо-таки на рейде рванул и перевернулся.

– Всего-то? Хм. Следовало чего-то подобного ждать... Я имею в виду не самые впечатляющие результаты у Зиновия. И?.. Это вся твоя «водка»?

– Гладков перебирается из Питера на Колу или... Николаша его ссылает с глаз долой.

– Подробности!?

– Пока нет. Сам понимаешь. Может, следующим сеансом... завтра, послезавтра.

– А на закуску?

– По расчётам мы где-то на подходе к месту падения самолёта, но... Уже и беспилотники секторально сгоняли на перехват радиомаяка, а сигнала, блин, нет.

– И это ожидаемо! Слишком... – Чертов тихо выругался, зайдясь сухим кашлем, – слишком долго мы болтались у Камчатки. Фотоэлемент при таких метелях скорей всего запорошило. Полная деградация питания. Попробуй теперь отыщи.

– Но на закуску всё-таки – вот! – Начбезопасности медленно, со значением и какой-то неожиданной загадочностью выложил на стол тонкую поведённую от влаги тетрадь.

– Что это?

– Дневник, скорей личные записи радиста из экипажа Леваневского. Мы когда радиомаяк установили, улетали понятно не пустыми – всё, что в руках смогли унести, прихватили, и в спешке осматривать хабар времени особо не было. Вот Шабанов и зацепил случайно. Там... в общем бытовое, в основном личка, интимное к женщине. Он и не стал читать. А тут случайно обнаружил на последних страницах.

Андрей Анатольевич взял тетрадь, попробовал разобрать:

– Ну и почерк!

– Да. Почерк у него жуть, но я уже вник. Давай я. – Шпаковский пододвинул настольную лампу к себе, перелистав в конец, начав зачитывать: – Так! Это пропущу... вот с этого момента!

«...Кастанаев пока совсем не стал впадать в беспамятство, много бредил, но мы понимали, что это не бред. Свидетельство тому тело и фрагменты неизвестной твари, что встряла в переднюю кабину, разбив фонарь, забрызгав всё своей чёрной кровью. Все мы только помним ослепляющее, ударившее вспышкой сияние, а придя в сознание, очнулись уже, когда самолёт лежал на заснеженном льду.

Кастанаев сумел увидеть больше и уверял, что в промежутках белого свечения вдруг открылось чистое голубое небо и сочный зелёный массив под крылом. И выметнувшаяся навстречу неожиданная стая больших чёрных птиц, набросившихся на самолёт. Одну разрубили винты левого крайнего двигателя, другая бросилась прямо в сверкающее на неожиданном солнце носовое остекление. И уж потом следующей вспышкой света вновь стала снежная пурга и жёсткая встреча с ледовой поверхностью.

”...Я штурвал на себя... я штурвал на себя!” – постоянно повторял он в горячке уже совсем плохой.

Командир решил не упоминать эти факты в записке, оставленной в самолёте, сказав, что предоставит начальству отдельный рапорт. Поверят в Москве или нет, это вопрос будущего, так как неведомую крылатую тварь, что и птицей не назовёшь, вынуждены были оставить во льдах, взяв лишь образцы зубов и часть костей, завернув всё в прорезиненную ткань. Но и без того вонь от неё стояла жуткая. Тем более что Годовиков, осматривая фрагменты твари, порезался и под-

цепил какую-то чесотку. Дрянь оказалась заразной.

Всё остальное, что смогли, собрали, сложив в железном ящике, засунув его под фюзеляж.

...Мы здесь, на месте падения, уже неделю. Три дня бушевал ураган. Наружу не выходили.

19 августа похоронили Колю Кастанаева, рядом с Левченко.

20 августа. Сегодня решили, что идём. Надеяться, что кто-то ответит в эфире, уже бессмысленно. Всё давно приготовили: нарты, лыжи, припасы, оружие. Ничего лишнего. Я даже решил оставить личные вещи. Главное выбраться».

– Всё, – закончил Шпаковский, – намеренно ли он или по запарке позабыл свой дневник, сейчас уж не скажешь. А вот на обратной стороне карандашом набросок, как я понял, он пытался зарисовать упоминаемую зверюгу. Художник из него не ахти, но посмотри – ничего не напоминает? Длинная зубастая пасть. Тут и размер приблизительно дан. Похоже, что крыло... часть крыла без перьев будто кожистое, как у нетопыря, но...

– Твою ж мать! – выдавил Чертов. – Птеродактиль?!

* * *

Беспилотники в экономичном режиме барражировали на бреющем целый день. Всё ещё надеялись словить отголосок деградировавшего маяка.

У монитора посменно дежурили операторы, приглядываясь к каждой подозрительной возвышенности – не засыпанный ли это снегом фюзеляж?

Пару раз на лёд спускали снегоходы, и досмотровые партии срывались в рыке движков и вихрях снега.

Возвращались ни с чем.

– И чего мы так уцепились? – ворчал капитан (кто-то ему вторил из начальников служб, недоумевали в экипаже). – Как пришло, так и ушло. Пора двигать дальше. Добро не наше, да и чёрт с ним.

– Не скажи, – тянул Шпаковский, – в нас человеках где-то сидит древний инстинкт, заложенный первобытным собирательством. По грибы когда-нибудь ходил? Помнишь тот азарт – отыскать, непременно добыть! И радость от находки, а ведь полная халява по логике!

А тут уже ранее найденное, но припрятанное. Это уже почитай наше! Тем более жаба душит упускать добычу, когда представишь, какую ценность представляют наглядные образцы авиатехнологий, за которые ныне любое государство отслуныявило бы золотом и в ассигнациях.

Чертов вскидывал брови: «чего это Вадим разошёлся – о барышах заговорил?» И краем глаза зацепив внемлющего заместника, находил ответ и мотивацию: «ага, пусть знает, Николаше на оценку доложит!»

– Тем более что это не наши из компов, пусть и не абстрактные чертежи, – прибавил аргументов помощник, – это

дюрале-железо можно по винтику разобрать, руками щупать, каждый шов сварки, если она там вообще была применена.

Но, конечно, всё это были успокаивающие отговорки. Главный интерес лежал где-то в железном ящике под фюзеляжем, если записки радиста не врут.

Имела ли находка доисторической рептилии практическое значение? Конечно же нет.

Но являлась просто сумасшедшим открытием, наряду с самим фактом переноса во времени ледокола, самолёта и ещё чёрт знает чего!

* * *

К затянувшимся сумеркам поиск прекратили.

После ужина капитан уж хотел было объявить, что всё – «снимаемся и уходим», однако коллегиально решили повременить.

Идею подкинули инженеры «Сокола» – отыскать артефакт способом дистанционного магнитного обнаружения, пообещав к завтраму что-то рабочее подобное ДМА сварганить¹⁷.

– Это реально? В смысле у них выйдет что-то путное?

– А почему нет? Схема простая, только с беспилотника

¹⁷ ДМА – детектор магнитных аномалий.

не получится. Придётся вертолётom на тросе таскать, так как детектор крупногабаритный, да и свесить пониже надо будет, чтобы корпус носителя не искажал работу прибора.

* * *

Утро началось с завываний раскручивающейся «вертушки». Пока прогоняли двигатели машины, энтузиасты тестировали свою халтуру, дыша морозом:

– Магнитодетектор вроде бы работает, но надо проверить подальше от ледокола.

Чертов из окна своей каюты наблюдал, как «Миль» плавно удалился на полкилометра, спустив на тонкой нити троса грузилово аппаратуры.

Двинул галсами по кругу.

Время пошло. Точней – тянулось.

Час. Два.

Пошёл третий.

С полными баками Ми-8 мог кружить над ледяной пустыней хоть до конца дня. Короткого... бледного полярного дня.

И зная, что его тут же известят, если что-то будет обнаружено, Андрей Анатольевич, тем не менее, регулярно дозволивался до вахты, интересуясь «как идут дела?». И всё равно нетерпеливо досадуя, медленно подзакипал:

«Время идёт, ресурс вертолётa тратим, а результата как не было, так и нет»!

В конце концов, торчать в конуре своей каюты уже порядком надоело и, невзирая на строгий карантин врача, на всякий случай, накинув тёплые вещи, недовольный капитан решил прекратить бесперспективные поиски.

На мостике по случаю поисковых работ народу оказалось больше, чем в обычную вахту:

– О! Все собрались! Здравствуйте, господа-товарищи. Что тут у нас?

– Да вот... – неопределённо промычал кто-то.

Отыскав глазами старпома, Чертов распорядился:

– Всё. Возвращайте «вертушку», заканчиваем эту бодягу.

И увидев на лицах некоторых кислое неодобрение, от того раздражаясь, уже категорически отрезал:

– Всё я сказал! Умерло так умерло! Дай сигарету, – это уже Шпаковскому, – пойдём!

– Тебе ж Кац запретил, какого ты опять на мороз ломишься. Нахватаешься снежинок на гланды... э-эх, на, пошли!

Такого разве переупрямишь.

– Дурни мы, конечно! – Злой и оправдывающийся помощник чиркал предательской зажигалкой. – Понадеялись на радиомаяк, а надо было тогда повозиться пару часов и антенну-флагшток на растяжках вколотить. Или вообще немедленно подходить и грузить на борт этот клятый самолёт и всё остальное. Подумаешь, сутки убили бы.

– А эскадру за сутки впаяло бы во льды, а то и вовсе сда-

вило! – огрызнулся кэп. – Вот тогда похерили бы главную задачу. А ещё представь – подняли бы на кран фюзеляж, отыскали тот ящик – вскрыли и подцепили бы эпидемию доисторической заразы по всему экипажу.

– Не факт. Он там о порезе пишет, то бишь инфекция не воздушно-капельная. Да ты представь, – Шпаковского понесло, – эта находка для науки невероятна! Это генетический материал для клонирования и...

– Это в первую очередь говорит о том, что провалы-порталы во времени более сложные и нестабильные штуки. Получается, что самолёт сначала зашвырнуло куда-то в юрский период, а потом сюда. Офигеть! Но нам от этого по большому счёту ни холодно, ни жарко! И вообще... ищем, ищем, а вдруг он вообще назад во времени провалился?

Оставив оторопелого от такой версии собеседника, Андрей Анатольевич перешёл на другой борт, выискивая над белым ледяным пространством точку вертолёта.

Из двери высунулся довольной рожей помощник вахтенного:

– С «вертушки» сообщили – что-то нащупали! По-моему, наш клиент!

* * *

Дело нашлось всем, особенно на раскопках от снега. Барометр предвещал новый снегопад и как бы не метель.

Упала и температура при усилившемся ветре. Поэтому работали быстро и почти грубо – подошли ледоколом поближе, заводя тросы, подтаскивая части самолёта лебёдками и уж потом поднимая стрелами на борт.

Крупный габарит – фюзеляж, крылья – оставляли на кормовой площадке, закрепляя по штормовому, с расчётом, чтоб ничего не мешало Ми-8 совершать взлёт-посадку. Двигатели и груз переносили в вертолётный ангар. Отыскали и тот самый металлический ящик! Вскрыв, только взглянув, что – да, всё правда, животина весьма-весьма похожа на птеродактиля!

И до поры – со всеми мерами предосторожности – поместили в отдельную холодильную камеру.

Дело затянулось и на следующие сутки до темноты.

Уходили, уже когда основательно мело, завывая – носа наружу не высунуть, авралья последние наружные внешние работы под прожекторами. Да и то задержались – всё никак не могли разыскать недостающие два двигателя, что, вероятно, оторвались при посадке... снова гоняя «вертушку», щупая сугробные залежи радарными ледокола.

Откопали из снега даже отвалившуюся хвостовую часть, что лежала в предсказуемом месте на линии пробега, но движок нашли ещё лишь один. Где затерялся четвёртый (левый крайний, судя по конфигурации падения машины) – осталось вопросом.

«Может, он вообще остался у динозавров. Кто знает...» –

самое фантастически-мечтательное, что было высказано на разборе впоследствии.

* * *

Планируя дальнейший маршрут, было обоснованное желание, обогнув Северную Землю высокой широтой, нанести визит на остров Визе – посмотреть, как себя «чувствует» трофейный барк «Харальд»...

– Но тогда скрыть сей факт сомнительного приобретения от наместника не удастся. Зачем нам лишние вопросы, – постановил на совещании капитан.

В Карское море решили выйти тем же проливом Шокальского.

– Полторы сотни миль, – рассчитал штурман, – при похожей ледовой обстановке двое суток. Затем ещё тысяча миль, и мы в Баренцевом море.

– Да, – хмурился Чертов, поглядывая на собравшихся, – надо уже зондировать Петербург. Я так понимаю, у них там конь не валялся... В плане организации нашего приёма в какой-нибудь незаметной и укрытой бухте.

Там, где ветры с Балтики

*Могло б показаться – у цели, а значит,
Мы вместе, одно завершение финала,
Но в путь. Всемогущая сила задачи
Нас снова и в разные стороны гнала.*

Пыхтя, источая пар и клубы дыма... другие совершенно специфические звуки и запахи, прощально отгудев, состав мягко стронулся – Финляндский вокзал медленно поплыл мимо, уходя.

В голове прокручивалось всё, что было надёргано воспоминаниями сумятицы последних дней. Всё, что навалилось будто разом:

- ...начавшиеся революционные выступления;
- ...кардинальные и ключевые события войны на Дальнем Востоке;
- ...обсуждение в самой что ни на есть высшей инстанции (лично с монархом) назревающих неизбежных социальных изменений;
- ...вариативности версий политических прогнозов, вплоть до учёта будущей мировой войны;
- ...и военные, и промышленно-экономические вопросы;
- ...и собственный неожиданный отъезд на север, в строящийся Романов-на-Мурмане... с по-дурачки задёрганными

в связи с этим личными сборами в дорогу.

И вот столица империи, где не особо-то прижился, отпускает, мелькая строениями, растекаясь окраинами в просторы и лесистость.

Впереди неделя с пересадками до Архангельска под перестук и покачивание вагона. Затем по уже наверняка заснеженным трактам на Колу – и новый взгляд на старые места.

Мысли между тем отбежали ещё немного назад, возвращаясь к эпизодам недельной давности.

* * *

Глядя сквозь забрызганное окошко кареты на заурядные виды пригорода, Александр Алфеевич Гладков кутался в тёплую плащ-накидку, брюзжа сам для себя по настроению: – Осень! И не лучшая её стадия-пора.

Экипаж с эскортом катил по улице Средней Рогатки – накатанная, вполне проезжая дорога, небедные по местным меркам дома, телеграфные и фонарные столбы, редкие прохожие и сравнительно провинциальная тишина¹⁸.

На глаза попалась вывеска «Табакъ», и Александр Алфеевич, вспомнив, что закончилось курево, приоткрыл окошко, дав знак конному есаулу:

– Архипыч, пачку «Лаферм», будь любезен¹⁹.

¹⁸ Средняя Рогатка – исторический район на юге Санкт-Петербурга.

¹⁹ «Лафермъ» – папиросная фабрика.

И вновь откинулся на сиденье, зябко поёжившись и мысленно возвращаясь к погоде:

«Стылая, склоняющая к хандре осень – унылое очарование, если подмешать немного Пушкина. В этих краях фактически уже зима, что и по календарю – вот-вот... и по погоде – белые мухи уж сидят в этих зависших тучах, готовые сорваться вниз.

Так и хочется напихать в квартиру падшей листвы, соломы всякой и... аки медведь – до самой весны в спячку. Ну, может, будильник на новогодний праздник поставить, хоть по новому, хоть по старому стилю».

Дом на Ружейной так и не стал тем своим обиталищем-берлогой, куда возвращаешься в защищённый и спокойный уют. «Квартируюсь» – именно так бы он характеризовал своё проживание в нём. Может, из-за того, что не привык к таким хоромам – куда ему столько комнат, зевающих пустотой. Пустотой не мебелированной, но людской (прислуга не в счёт).

Подумав об этом одиночестве, сразу вспомнилась неприятная беседа с императором на одном из перекуров.

В Царскосельской резиденции Николай дымил прямо в рабочем кабинете, не уходя, как водится, в библиотеку. Угощал. Не часто, но иногда вот так, в положительном настроении:

– Не угодно ли закурить моих – первоклассный турецкий табак?

И лишь жадно высмолив полпапиросы, заводил разговор:

– Вы столь непоседливы, при вашем-то, простите, возрасте. Будто и не отдыхаете никогда. А как же общечеловеческие радости? Вживаться надобно в наш мир. Отчего бы вам не подыскать женщину? Можно-с даму под стать возрасту – хорошую, добрую...

– Обеспеченную, одостаченную... – усмехался в дым Гладков.

– При желании... и тех материальных средствах, коими вы располагаете, можно и молоденькую, хм... курсистку, что с радостью примет дворянство и беззаботную жизнь подле законного супруга. Сделав вас счастливым в браке.

Прозвучало это на домыслие, дескать: «вот так, как счастлив я», и Александр Алфеевич спешно замаскировал очередным клубом дыма скептическую усмешку: «А всё ли там так хорошо в отношениях Ники и Аликс? Ходят слухи, что охладел немного венценосный к своей венценосной.

Да и правильно бы! Для монарха семья и любовь – это непозволительный груз. Испокон веку мы считали, что женщины служат сопутствующим придатком к нашим мужским взглядам на вещи. Так было, так и есть, если не забывать, что они ведут свою извечную игру, что навязала им сама природа.

А мы? Вот уж действительно – взяв свою девушку за грудь, наслаждаешься иллюзией, что у тебя всё схвачено. В то время, как с женщинами (там, где царят эмоции) никогда

нельзя быть до конца ни в чем уверенным. Тем более зная и помня, к чему пришла эта прибабахнутая дамочка в истории с Распутиным. Мда-а. Охладеть-то он охладел, но, по видимому, немочка потихоньку отвоёвывает свой статус-кво обратно».

– Так что скажете? – подстегнул величество.

– Все определения моего быта упираются в работу. Но ход ваших мыслей, с подачи Евгения Никифоровича, мне понятен.

Упоминание генерал-лейтенанта Ширинкина, начальника секретной службы императорской охраны, немного напрягло самодержца.

– Ну-ка, ну-ка?!

Гладкову сразу подумалось: «А что тут ”ну-ка, ну-ка?” Одомашнить, оправославить непонятных и пугающих пришельцев, а кого и заприсяжить. Да и чёрт бы с ним, на самом деле, коль деваться некуда».

Но ответил с заминкой, подумавши:

– На ледоколе экипаж – сто с лишним здоровых лбов. Мужчины в самом расцвете, так сказать. Сидеть в железной коробке долго, несмотря на весь её комфорт, – чревато. Рано или поздно начнутся нервные, психологические срывы. Лекарство от этого – работа...

– Служба, – подсказал Николай.

– ...смена мест, – Гладков даже не моргнул, – просто «берег» – для моряка сойти в увал на берег это ещё та отдушина.

И конечно же женщины. Но здесь кроется своя опасность. Постель сближает, мужчины размякают, подпускают слишком близко (ах, как хотелось ляпнуть – «позволяют манипулировать собою»), тут и до разбалтывания «откуда ты и кто ты есть» недалеко.

– Стало быть, вы с Ширинкиным этот щекотливый вопрос также обсуждали?

– Намедни, – слегка потупился Алфеич, подозревая, что немного проболтался – разговор был сугубо экспромтный и приватный, но генерал-лейтенант, без сомнения, должен был доложить царю.

«Видимо, что-то у него не срослось. Как бы император не подумал, что за его спиной делают делишки».

– Посему? – Романов будто нависал своей настойчивостью. – Бордели, пардон? Или агенты в юбках? Насколько знаю, в жандармском отделении подобные гурии имеются. Не в нужном количестве, к сожалению. Кто ещё поедет в северную глухомань?

– Тем не менее для экипажа, помимо размещения и проживания на берегу, следует озаботиться неболтливymi... и желательно добропорядочными девицами.

– Что само по себе противоречит друг другу.

Гладков лишь пожал плечами – император практически точь-в-точь повторил вердиктные слова Ширинкина. Да и почти все остальные незамысловатые варианты... забыв, пожалуй, лишь северных саамских «красавиц».

В общем, иногда в августейшем расписании находились свободные минутки для вот таких, вольного характера бесед. Тот разговор, правда, так пока и закончился ничем.

Немного посветлело. Поселение осталось позади, кавалькада выехала на просёлочный простор. Александр Алфеевич ненадолго отвлёкся на вид из окна и вновь вернулся к перспективам:

«Получается, что такие побочные и второстепенные вопросы в организации работы и обустройства экипажа ”Ямала” на севере могут оказаться самыми проблемными. Потому что приказным порядком их не решить. А если к этим матримониальным узостям (на сто рыл) присовокупить аспекты секретности, задача становится вообще нетривиальной».

Размеренность мыслей прервали громкие голоса, стук копыт, конское ржание и замедление хода. Оказалось – казачий разъезд, остановивший эскорт и экипаж для проверки документов.

– Теперь будут тормозить через каждую версту, – недовольно, но понимая необходимость подобных мер, ворчливо пробормотал Алфеич, доставая портмоне с документами.

Любой пребывающий в окрестности, относящиеся к Царскосельскому дворцовому правлению, был обязан предстать перед сотрудником Регистрационного бюро, дабы подтвердить свою личность.

Гладков имел особый статус, но это не отменяло сверку фотографии на пропуске с предъявителем.

А с началом первых революционных выступлений плотность дозоров и пикетов вокруг загородной резиденции императора увеличили в разы.

* * *

Обеспечение охранного порядка по ведомству Царско-сельского дворцового правления вменялось в обязанность коменданта, но лично за безопасность императора отвечал Ширинкин, которому были подчинены пехотная рота, железнодорожный полк, дворцовая полиция, казачьи конвои и недавно созданный Особый отряд охраны.

На самой дворцовой территории (семьдесят гектаров земли) дополнительно несли службу агенты в штатском, парковые зоны сторожили специально обученные собаки, по внешнему периметру располагались усиленные караульные посты и пеше-конные пикеты.

Что характерно, Николай II отнёсся к подобным мерам безопасности (как и к своей лично) немного скептически и почти безразлично. Но возражать не стал.

Охрана при всей своей многочисленности внутри периметра старалась быть недокучливой. И это почти получалось, если привыкнуть к её постоянному «глазу». Днём можно было часто видеть гуляющих царских детей – девочки под

присмотром нянек ежедневно выбегали на прогулки. Единственное, что осень быстро изгоняла их, озябнувших, с лужаек и аллей.

Сам Николай совершал свои моционы, как правило, с раннего утра.

Иногда помятый бессонницей Алфеич видел его размытую туманом фигуру в глубине парка. Но бывало, в редкие по октябрю ясные дни государь прогуливался и со своей семьёй, и тогда пышная платьем императрица, присвоив себе локоть монарха, шествовала рядом.

Встречные учтиво раскланивались. Венценосные благосклонно принимали эту учтивость.

Официальную жизнь Царского Села, кроме штата Высочайшего двора, представляли учреждения министерств и уделов, внутренних дел, юстиции, управления землеустройства и прочие.

Столичные и другие имперские чиновники, министры и высокопоставленные военные при необходимости личного доклада или получения инструкций были вынуждены всякий раз проделывать пусть сравнительно недолгий, но со всеми сопутствующими неудобствами путь.

Император принимал, чередуя и совмещая партикулярные платья и генерал-адмиральские мундиры. Меняя в беседах не особо милуемого Витте на перспективного Столыпина, выслушивая вещания *великих* родственников (князей), приглядываясь к новым назначенцам... и к старым –

например, вернули на службу С. В. Зубатова, у которого была своя, профессиональная, но, скажем, гибкая метода работы с революционными элементами²⁰.

Сама революция началась раньше прогнозируемых и предсказанных дат. Объяснялось это скорее всего тем, что опережающие мероприятия охраны, повальные аресты членов антимоноархического движения вынудили руководство и представителей революционных партий начать активные выступления до намеченных сроков. Во всех их действиях была видна поспешность, неорганизованность, разрозненность. Но толчок был дан, а дальше, подхваченное пролетариатом, беднотой и другим маргинальным элементом, бурление пошло самотёком... покатилося, как снежный ком.

Но и без того, несмотря на упреждающие и контрмерные действия правоохранительных служб, канцелярии ЕИВ и чиновничьего аппарата, социальная температура, подогреваемая уже известными силами и лицами (далеко не всех удалось нейтрализовать), подошла к порогу кипения, сорвав крышку имперского чайника. Впрочем, в крупных городах и в уже известных ключевых местах этот пар частично удалось стравить. По крайней мере, на начальной стадии у революционеров со всеми их планами по большому счёту вышел «пшик»!

²⁰ Зубатов Сергей Васильевич – чиновник Департамента полиции, создатель политического сыска Российской империи.

Забастовки рабочих, начинавшиеся, как правило, на территориях заводов, мгновенно купировались войсковым оцеплением, дабы не дать им перекинуться на другие предприятия. По сути, смуту давили в зародыше. Как говорится, *praemonitus, praemunitus*²¹.

Ныне же столичный градоначальник и оберполицмейстер докладывали, что на улицах Петербурга сравнительно спокойно, лишь наблюдается возбуждённая нервозность. По подворотням, то тут, то там собирались кучки людей, тут же локализуемые (порой жёстко) жандармскими и казачьими патрулями. В городе было введено не то чтобы военное положение, но что-то близкое к тому. Войска сидели в казармах по расписанию оперативной готовности, однако улицы были буквально наводнёны шпиками в штатском.

Случалось у хлебных магазинов провокационно возникали «хвосты», но и к такому повороту событий власти подготовились – продуктами столица была обеспечена сверх меры²².

Однако крестьянская стихия бунтов по многочисленным губернским деревням оказалась необузданной. Несмотря на введённую цензуру, мальчишки-газетчики раскрикивали горячие новости о сожженных помещичьих усадьбах, о рабочих стачках в других городах, забастовках на железной дороге, разогнанных демонстрациях. Волнения и мятежи на вре-

²¹ *Praemonitus, praemunitus* (лат.) – кто предупреждён, тот вооружён.

²² «Хвосты» – так в те времена назывались очереди.

мя оттеснили все сводки о войне на Дальнем Востоке на вторые и третьи строчки заголовков.

Что, впрочем, не снимало ход боевых действия с основных повесток дня императорской Ставки.

Война, её исход, экономические и социальные противоречия внутри страны, революционная смута, подрывная деятельность японской разведки и опять революция – связь между всеми этими факторами и без того трезво оценивалась умными головами в близком окружении царя, при этом прекрасно осознавалось, что неблагоприятный исход военных действий только обострит непростую ситуацию.

Хотя многие из имперских деятелей в чинах и званиях (за малым исключением) по-прежнему не считали японцев достойным противником. И, очевидно, будут продолжать считать, что не является положительным моментом. Поскольку в реальной истории с треском проигранная русско-японская война заставила пересмотреть многие военные концепции, иначе говоря, учась на ошибках.

В нашем случае откровенных военных катастроф не произошло: не пал Порт-Артур, русская армия не потерпела поражение под Мукденом, не было цусимского разгрома. Сейчас, получая последние сводки, уже и государь не сомневался в общем успехе дела.

Геометрия войны на сухопутном фронте постепенно возвращалась к исходной точке, концентрируясь вокруг Порт-

Артура. И хоть ритмика боёв не блистала знаковыми схватками и о генеральном разгромном сражении речи не шло, но со смещением Куропаткина с должности русская армия медленно и неукоснительно теснила японцев. Такая неспешность была обусловлена в том числе и погодными условиями – дыхания зимы в тех краях ещё не ощущалось, но зачастили дожди. А по мере продвижения к Порт-Артуру и сужения фронта ближе к перешейку плотность войск росла, наступление вязло в столкновении больших масс и распутице.

А Петербург подгонял, всё чаще вмешиваясь в оперативные вопросы, требуя наступать... наступать любой ценой, что, возможно, и было правильно, памятуя и сравнивая нынешнее положение с бездарными «куропаткинскими стоянками».

Стессель браво и радостно (как будто это его заслуга) телеграфировал, что уже слышна канонада армии Гриппенберга... скорей выдавая желаемое за действительное.

Окрылённые защитники крепости вновь отбивали Волчьи горы, до этого успев в очередной раз потерять эти позиции (одиннадцатидюймовые осадные орудия противника, конечно, были приведены в негодность).

Обе стороны – что русская, что японская – по обоим фронтам были крайне измотаны, но за какой из сторон окончательно закрепилось общее воодушевление успехами, тут было очевидно.

Более трезвомыслящий и профессиональный Гриппен-

берг пока воздерживался от победных реляций, глядя на тяжесть боёв и измотанность войск. Генерал подтягивал ближайшие резервы из-под Мукдена, Харбина (здесь далёкие революционные стачки в Хабаровске и ещё где-то там, на «чугунке» пока не сказались).

Понукаемый ставкой, войска не сдерживал... и они катили на инерции, на «ура».

Понимал, что эта инерция долго не продлится.

Японцы об этом не знали... и отступали.

Ну а Николай II, не оглядываясь на то, что некоторые аспекты всё ещё оставались гадательными, уже пожинал лавры, начиная заглядывать за горизонт геополитических раскладов.

* * *

После покушения Гладков, как мы помним, перебрался под защиту в Царское Село, где по личному распоряжению царя эмиссара «Ямала» поселили в одном из благоустроенных помещений Александровского дворца, с личным кабинетом, где он мог принимать заводчиков, инженеров, рассылая по делам приданных ему курьеров и делопроизводителей.

Впрочем, Александр Алфеевич недолго терпел столь неудобную изоляцию, все же настояв на периодических выездах на казённые и другие заводы. Однако режим безопас-

ности всё же старался блюсти, всякий раз возвращаясь, предпочитая, как сам шутил, «столоваться с царской кухни».

Такая «близость к телу», которой наверняка бы позавидовали многие из дворцовой камарильи, имела некоторые плюсы – и без того не самый маленький винтик в механизме империи, пришлый чужак оказался в самом сердце принятия судьбоносных решений, нередко зазываемый для высказывания своего, как бы отстоящего на сто лет вперёд стороннего, мнения, и не только по основной инженерно-производственной части (что особо было любопытно государю).

Другое дело, что мнение это Николаю II не всегда приходилось по вкусу, да и, если быть честным, отношения с монархом у Gladkova заладились не очень. Сказав в дополнение, что «этот мячик они пинали друг в друга», соблюдая натянутое, но деликатное равновесие.

– А вы смелы и весьма опрометчивы, – приватно заводил в один из случаев Романов, – когда высказываетесь о перспективах монархии в России на манер британской.

– Сразу отмечу, что это вариативное и сугубо личное мнение, – включал «заднюю» Алфеич.

– Не бойтесь царского гнева?

– Я немного изучал историю. Вы не тот человек, что будет принимать деспотические решения.

– Что уж тут сказать, конституционный манифест о политических и социальных преобразованиях, что был оглашён в вашей истории, мы изволили объявить под давлением де-

структивных событий, когда во всеобщую стачку оказалось вовлечено более двух миллионов человек, в том числе парализовав в разгар неудачной войны железнодорожную сеть.

– Как правило, ваше величество, после выигранной войны в России наступает политическая реакция, после проигранной – либеральные преобразования. А как будет теперь? Войну, по всей видимости, выиграем. Но реформы архинеобходимы. Уже сейчас работа государственного аппарата неудовлетворительна. Чиновники нередко профессионально несостоятельны, плохо образованны, поголовно корыстны и крайне консервативны. Буржуазия чванлива, но ради денег готова на все подлости. Народ малограмотен, квалифицированных рабочих, а тем более инженеров не хватает...

– Знаю! – Вскинул руку император. – Вашими стараниями я уж теперь многое знаю! Мне ли не... – он запнулся, скривив гримасу, затем вдруг сменил тон: – Следуя по жизненному пути, люди проживают и переживают своё настоящее в прошлое. Я же вашим появлением будто уже испытал своё будущее. И это уже во мне. И его никуда не деть. Так что всё я понимаю.

Вчера до полуночи одолевал отчёт Государственного совета о положении дел в империи, попутно ломал глаза об экран вашего компьютера. Сравнивая. Выбирая гожие постановления, кои обрели бы форму будущих законов, как и всего военно-политического курса страны. Так что уж поверьте, я стараюсь соответствовать своему предназначению, уповая

на Господа и провидение. Ратоборствую.

– А народ... – пренебрежительно пустил дым Романов, – народ в массе суцеглуп, что мы ныне воочию наблюдаем по взбунтовавшимся губерниям. Но прерогатива монарха – сострадание. Посему, несмотря ни на что, долгом совести считаю облегчить народу нашему юдоль. – И не скрывая презрения: – А уж к чему возымели либеральные преобразования – мы уже ведаем чрез меры! Даже у вас там, в вашем сплошь демократизированном веке!.. Бог мой. Да выкиньте из головы свой двадцать первый век и попробуйте взглянуть на окружающую жизнь нашими глазами! Ваша этическая система далеко не в полной адекватности приложима к бытовым и политическим реалиям нашего времени! Вас же, по моему, и цитирую!

Для вас наша эпоха – прожитая красивая или трагическая история. А для нас... для меня ваше появление видится так: живёшь себе, несёшь бремя, хлопоты-радости, заботы-невзгоды. И вот на голову сваливаются... да сами себе представьте, что к вам прилетают иномиряне с Луны-Марса и ошарашивают: «Так жить нельзя!» Выдавая свои патентованные советы, начиная учить, как правильно! Хотя, признаюсь, рассчитывал, что располагая предвосхищающими зданиями, нынешние революционные волнения будут упреждены. Но, видимо, такова судьба. И поныне отвечаю пред Богом, стоя пред великой развилкой!

Да-с! Прав был батюшка, когда говорил – помню до-

словно: «Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда и с ним Россия рухнет. Падение исконно русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц».

Основание Думы это начало конца! Я сам своими руками создал губителей моих и губителей державы. Рассадник, возомнивший себя интеллигентами премиум-класса. Политический истеблишмент, воспользовавшийся неразберихой и войной, чтобы перехватить власть, сместив законного правителя.

– Помазанника, – не сдержавшись, чуть слышно пробурчал Алфеич и тут задавил вопросом: – Так, простите, перехода к конституционному строю не будет?

Император восседал в кресле с виду непринуждённо, но папираса в его руке нервно загуляла, выписывая тонкой прядью замысловатые круги. Сжав кулак, он и вовсе её сломал, рассыпав пепел и табак на стол:

– Будет! Вот где они у меня будут! Ничего менять не стану. И люди останутся те же – известное зло лучше неведомого. Все злокозненные фамилии помню.

«Это он Гучкова, что ль, имеет в виду?! – догадался Гладков. – Хм, все, да не все²³. Фамилию Брусилова, например, ребята на "Ямале" вымарали из всех документов, хотя он тоже списал самодержавие с потрохами. Но тогда такой был

²³ Политический деятель, член государственной Думы. Едва ли не главный ин-тересант в заговоре о смене власти. Имел личную неприязнь к Николаю II.

политический момент. Царь слаб – долой царя.

Но что характерно и про церковь умолчали, что по факту чуть ли не первая отвернулась от монархии, начав восхвалять республику. Но да ладно. Может, и тут правы – не время рушить устои. Может быть, правы, что в дополнение ко всем кошмарам, о которых поведали несчастному, не стали ещё и насиловать его веру».

– Новые времена всё равно грядут, ваше величество. Этого не остановить. Это мировая, европейская тенденция. Мы же не останемся в азиатщине?

* * *

До контрольно-пропускного пункта на территорию императорской резиденции остановили, кстати, всего раз, далее ведя узнаваемый экипаж визуально, передавая от точки к точке. Уже у ворот – подтянутые часовые в лучших традициях ружистики, не улыбочивый офицер, штатная, но строгая проверка. Включая осмотр кареты на предмет закладки бомб, с зеркалом на палочке – осмотр днища.

Час был к полудню, но будто раннее утро – весь дворцово-парковый ансамбль оплыл в серой мороси, сонно бродит ветер в ветках деревьев, слышны отрывисто-приглушённые переговоры личного состава и чем-то похожие сдержанные выдрессированные «гав-гав» доберманов... Лишь колокол дворцовой церкви звонко разбивает эту монотонность.

Эскорт остался у проходной, а Гладкова подкатили прямо к парадному входу – по пологому пандусу под свод крыльца, так как накрапывающий дождик усилился.

Уже выйдя из кареты, Александр Алфеевич, вдохнув вкусный запах павшей листвы увядающего парка, увидел на боковой аллейке фигуру императора, возвращающегося с прогулки.

Стоял, вежливо ожидая. Дескать, «Звали? Я тут, ваше-ство!» Смотрел, по мере приближения, исподволь изучая, подмечая.

На властителе одной шестой части суши простой, залубенелый под дождём парусиновый плащ. Непроницаемое лицо со слегка печальными вислыми от дождя усами, в повзрослевших глазах – ясность мысли.

«Что наступает, когда человек, наконец, обретает понимание и выбор, – делал свои выводы Гладков, – или смиряется с единственным. Какое основное свойство правителя? Применять данные ему ресурсы, использовать людей, их умы и умения: чиновников, инженеров... даже музыкантов и поэтов всяких в целях пропаганды. И политиков, насколько они полноценны при самодержавии. Стоишь во главе и дёргаешь за ниточки. Главное, людей правильных подобрать и задачу ставить, не миндальничая. Деликатностью державу сильной не сделать.

А Николай заметно изменился. Лёгкая меланхолия от осени, но былой отрешённости и равнодушия уж нет. В общем,

вырос мальчик».

* * *

Как-то уживается в человеке наряду со здравомыслием вера во всякие дурные приметы или же наоборот – в хорошие знаки.

Древние суеверия продолжают жить даже в нас – оцифрованных детях компьютерного картирования, вззирающих на мир с точки зрения байтово-пиксельной составляющей²⁴. А что уж говорить о рождённых в девятнадцатом веке, исто-во молящихся на распятие и только-только ухватившихся за гриву научно-технической революции. Хотя... физики – умники-теоретики всегда, а ныне и подавно стали выходить за терминологию классической науки.

Но да вернёмся к делам нашим скорбным.

Государь император Всероссийский Николай II, далеко не глупый и образованный человек, неся в себе грузом всю трехсотлетнюю память дома Романовых, точно какой-нибудь феодально-дремучий Иван Грозный всякий раз оглядывался на символы и пророчества, прислушиваясь к святым отцам и астрологам, замирая пред вещающими юродивыми. Да что уж – всерьёз воспринимая модные на это время спиритические сеансы.

²⁴ Подразумевается картирование мышления.

И что там ему эти чужаки-попаданцы?!

Вот приди они с горящими глазами знамений господних, наверняка бы предупреждения грядущих лихолетий легли в более благодатную почву. А так...

А так... – безбожники. Адепты бесцеремонной логики и прагматизма. Хулители устоев.

Понятия «судьба», «предопределённость», «перст божий» (то, что проскользнуло у пришельцев из грядущего как «упругость времени»), точно дамоклов меч, висели над головой и думами самодержца. Уже который раз подкидывая упрямые доказательства: приказал содрогнувшись и стгоряча снести дом купца Ипатьева, планируя поставить на том месте храм-церквушку, скромно назвав: «мученику Николаю». И?..

Погодя доложили: «исполнено – дом снесли, с церквушкой покуда заминка вышла...»

Но каким мистическим ужасом преисполнился «венчанный Богом царь», когда узнал, что дом по ошибке снесли не тот! А «тот» так и стоит... будто ждёт!

Вторым фактором, мешающим императору, скажем так, профессионально править страной, являлась «законная да благоверная».

Будем честными – нередко для неуверенных слабовольных мужчин женщина оказывается положительным катализатором, подталкивающим к действиям. Иногда умно исподволь, иногда подавляя и доминируя.

Что же касается императрицы Александры Фёдоровны, урождённой принцессы Гессен-Дармштадтской, она, опираясь на тылы семейного ложа, всецело завладела умом Николая, неприхотливо, но мастерски оперируя своей хрупкостью, выводя «на передовую» любовь и заботу о потомстве, настойчиво и последовательно выкладывая весь букет женского эгоизма.

Проистекай хронология века в положенном русле, пик давления императрицы на супруга пришёлся бы на самое тяжёлое время неудач Первой мировой войны, когда она, замученная недугом наследника, сама попала под влияние сибирского мужика – экстрасенса Распутина²⁵.

В нашей же истории, когда в состоянии цесаревича (по известным причинам) наблюдалась определённая стабильность, появление пришельцев сыграло с ней иную дурную шутку. В глазах Николая генетически «прокажённая» Аликс утратила статус идеальной жены и матери, что не могло не сказаться на его отношении к «любимой супруге». С виду всё было благочестиво, но эта уютная ложь не могла её обмануть – восприимчивая интуицией женщина сразу что-то почувствовала, забив тревогу, предприняв «наступление», стараясь вернуть утраченные семейные позиции. Небезуспешно. Пусть и не сразу, но... вода камень точит.

²⁵ Из письма императрицы Николаю: «Так как ты снисходителен, доверчив и мягок, то мне надлежит исполнять роль твоего колокола. <...> Будь властелином, слушайся своей стойкой жёнушки и нашего Друга [Распутина], доверься нам!..»

А бедный Николай, сам не подозревая, лавировал между собственными комплексами мистических пророчеств, тихими истериками жены, вечными исподвольными прихотями семейки – «дай» (а чаще «сам взял»)… взрослея, выбираясь из запоздалой инфантильности, действительно желая и пытаясь что-то сделать для страны и народа.

Сохраняя в себе глубоко проросшие корни крепостничества, до недавнего времени Романов был совершенно уверен, что он – «осенённый размахом крыльев двуглавого орла вседержец земли русской», обоснованно добрый правитель!

И что народ (согнув спину, шапку долой) его искренне любит!

И что вообще так и должно быть!

Забыв, что от любви до ненависти куда меньше, чем наоборот!

До появления «гостей из грядущего» государь «великий князь» Николай принимал свою жизнь и своё высокое положение исключительно эгоистично, как неоспоримую данность.

Ужаснувшись от открывшихся исторических перспектив – первой панической мыслью было отречься, бежать, уехать в европейскую глушь, подальше от катаклизмов.

Ему объяснили, «ямаловский» эмиссар безжалостно и доходчиво довёл, что «сняв с себя венец, отсидеться и спрятаться не выйдет, что быть ему впредь символом и знаменем монархии, надеждой на реставрацию – костью в горле, что у

большевиков, что у либералов».

Переварив и это, Николай (всё ещё возможно, что последний самодержец России) мысленно, вслух себе ли, или при доверительном свидетеле проговорил:

– Уже поздно что-либо менять... начинать частную жизнь. Да и не смогу уж. Корона впилась в голову, и боюсь, снять её можно только вместе с нею. Я вижу перед собой путь, который высвечивает новую реальность. Но на каждом углу этого пути таятся тени того страшного будущего, в котором Россию постигли беды.

* * *

Пока император разоблачался и приводил себя в надлежющий вид, Гладков в приёмной накоротке вёл разговор с Авеланом:

– ...на данном этапе для кораблей-ветеранов вижу выход в универсальном отоплении – уголь-мазут, насколько это возможно. И постепенно готовить инфраструктуру снабжения. А новые суда проектировать исключительно с расчётом на жидкое топливо. Котлы чисто нефтяного потребления имеют ещё одно неоспоримое положительное качество – посредством гибких шлангов гораздо легче и продуктивней проводить дозаправку судов на ходу от танкеров...

Успевал заглядывать в бумаги:

– ...технология сварных швов в промышленных масшта-

бах на первых, доморощенных образцах оборудования будем вымучивать не один год. Более того, потребуется пересмотреть подход к конструкционной стали и к самому проектированию корабельных корпусов – иное натяжение, иные деформационные показатели. Не удивлюсь, что шторма, слеминг и другие гидродинамические воздействия преподнесут сюрпризы...²⁶

Взаимопонимающе (как военный моряк – военному моряку) попускал:

– А орудий для линкоров-дредноутов ещё нет. Впрочем, школа конструирования крупной артиллерии у нас на должествующей высоте, не так ли?

– Мною уже подана надлежащая техническая записка... непосредственно на Обуховский завод.

– В закладываемых проектных характеристиках обязательно следует учесть перспективное наращивание калибра, соответственно – массы башен главного калибра, орудийной платформы, адаптировав тип подачи боезапаса. Все габариты необходимо «вписать» в обводы судна в оконечностях. Я прихватил чертежи...

И когда даже в обыденности торжественный слуга, открыв створчатую дверь, пригласил их к самодержцу, увлѣкшись, они всё ещё продолжали на ходу обсуждать, не заметив вы-

²⁶ В судостроении первые опыты замены клѣпок на сварку приводили к образованию больших трещин в корпусе кораблей. Слеминг (*англ.* slamming) – гидродинамический удар о носовую часть днища судна при продольной качке.

сочайшего хмурого взгляда:

– ...стандартизация веса снарядов разных типов! Дабы, например, чередуя фугасы и бронебойные, не надо было менять стрельбовые данные. Вообще стандартизация должна быть не только в боеприпасах. Сейчас на боевых кораблях случаются разногласия даже в номиналах электрических приборов.

– ...Ах, простите, ваше величество...

По мнению Гладкова, с каждым разом кабинет царя всё больше походил на рабочий (по-настоящему) – массивный старинный стол теперь был нередко завален бумагами.

Книги – золотое тиснение солидных переплёттов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.